ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ

ВОЗВРАТ БЕЗ ОТПРАВИТЕЛЯ

ВЕРА КРУГЛОВА. ВЕЩИ С ИСТОРИЕЙ.

КНИГА ПЯТАЯ

Иногда важнее не то, что вернули,
а то, чего не оказалось внутри.

Вера Круглова. Вещи с историей

Роман Штерн

Возврат без отправителя

«Автор»
2026

Штерн Р. И.

Возврат без отправителя / Р. И. Штерн — «Автор», 2026 — (Вера Круглова. Вещи с историей)

Пятая книга цикла «Вера Круглова. Вещи с историей». Бывшим работницам швейного участка доставляют свёртки с давно утраченными образцами. В каждом — четыре вещи и просьба подтвердить, что возвращено всё. Вера Круглова замечает: старые сгибы и крепления не соответствуют нынешней укладке. А вскоре среди возвращённого обнаруживается работа мастерицы, которая никому её не дарила. Чтобы разобраться, Вере придётся проверить не только чужие объяснения, но и собственную надежду исправить давнюю ошибку.

© Штерн Р. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Четыре вещи 6
Глава 2. Кому отвечать 13
Глава 3. Чужая половина 21
Глава 4. Для маминой полки 29
Глава 5. Стол у окна 36
Глава 6. Не тот край 43
Глава 7. Комната Рогова 51
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Роман Штерн
Возврат без отправителя

От автора

Вы ещё только начинаете читать, а мне уже есть за что Вас поблагодарить: за интерес и доверие, с которыми Вы открыли книгу. Спасибо Вам за это. Пусть чтение будет в удовольствие.

Глава 1. Четыре вещи

— А если я всё-таки подниму руку? — спросила заказчица.

— Поднимите.

Женщина подняла локоть до плеча, осторожно, словно в приёмной врача.

— Выше можно. Булавок там нет.

Она потянулась к верхней полке. Жакет чуть приподнялся по боку и опустился, когда рука вернулась на место.

— Вот раньше у меня всё застревало здесь, — сказала она, потянув ткань под мышкой. — Приходилось одёргивать.

— Теперь не надо. Только плечо снова не забирайте. Вы хотели, чтобы вешалка не торчала, а убрали как раз то, что нужно для движения.

Заказчица посмотрела в зеркало ещё раз, уже без испытательного выражения. Застегнула жакет и повернулась к окну.

Вера дождалась, пока она снимет его, показала изнутри укреплённый участок и объяснила, как гладить край, не вытягивая. На индивидуальную встречу было отведено сорок минут. Они уложились: пятница, восемнадцатое мая, в рабочей тетради больше не была занята до вечера.

Женщина сложила жакет на спинку стула, достала из сумки юбку.

— А это я на всякий случай взяла. Здесь только подшить. Вы бы сейчас отметили, я дома сама.

Вера закрыла коробочку с мелом.

— Сейчас примерку закончили. Для юбки нужно другое время.

— Я думала, раз уж разулась…

— Придётся ещё раз. Во вторник могу в половине первого.

Заказчица вздохнула, но юбку из сумки до конца не вынула.

— Во вторник я работаю.

Они нашли время в среду. Вера записала отдельно: примерка и разметка низа, без подшивания. Женщина уточнила цену и убрала юбку.

— Тогда к среде туфли принесу. Я ведь сегодня и обувь не взяла.

— Вот в той обуви и отметим.

У двери заказчица вернулась взглядом к длинному столу.

— А вы тут всё время работаете? Мне дочь говорит: дома невозможно, всё отвлекает.

— Не всё время.

— Умеете.

Вера не стала объяснять, сколько лет у неё уходило на то, чтобы закрыть за человеком дверь и не продолжать его работу мысленно.

После ухода она проветрила комнату, убрала мерную ленту и протёрла стол. Сегодняшняя встреча была отдельным заказом. В расписании «Мерки» ничего не прибавилось: второй и четвёртый четверги, с пяти до восьми. До следующего занятия оставалась почти неделя.

На стол легла бумажная полочка лёгкой куртки. Серо-синее пальто уже висело в шкафу; его Вера сшила и носила, а куртка всё ещё существовала в макете, линиях и небольших поправках. После майского показа в «Речнике» она изменила участок у проймы. Теперь нужно было проверить его с обоими рукавами, прежде чем переносить всё на ткань.

Она надела макет, застегнула временное крепление, села. Потянулась за карандашом. Слева стало свободнее, но край рукава повернулся не так, как ей хотелось.

Телефон зазвонил на подоконнике.

— Вера Андреевна, вы дома? — спросила Ольга.

— Дома.

— Маме привезли какие-то швейные образцы. Старые. Якобы нашлись её материалы. И просят заполнить какое-то подтверждение.

Вера перестала придерживать край рукава.

— Кто привёз?

— Курьер. Мама получила, я уже потом пришла. Здесь записка, без имени.

— Она подписала?

— Нет. Я бы хотела вообще это отправить обратно. Можно вы посмотрите?

Вера взглянула на часы. Её личный час только начался.

— Могу прийти после четырёх.

— А раньше никак?

— Я сейчас занята. До моего прихода ничего подписывать не требуется?

— Никто срок не назвал. Но мама хочет открыть.

— Пусть решит сама. Только если хотите вместе смотреть, я раньше четырёх не успею.

Из трубки донёсся голос Евдокии, слов Вера не разобрала. Ольга ответила кому-то в сторону, потом сказала:

— Она согласна подождать.

— Хорошо. Я приду. Но сразу определить, чьё это и откуда, не обещаю.

Вера положила телефон и несколько секунд стояла перед зеркалом, не помня, что собиралась изменить. Затем подняла руку ещё раз. Рукав повернулся. Она отметила место короткой ниткой, сняла макет и разложила его на столе.

Неотложного дела пока не было. Был свёрток, которого она не видела, и просьба Ольги. До четырёх можно было закончить примерку.

***

В квартире на Садовой пахло прогретой землёй. На подоконнике стояли рассаженные по стаканчикам цветы, а форточка была приоткрыта.

— Не закрывай, — сказала Евдокия, заметив, куда посмотрела Вера. — Мне не дует.

Свёрток лежал на обеденном столе. Плоский, примерно с большую папку, обёрнутый плотной бурой бумагой и перехваченный двумя полосами скотча. Один угол бумаги уже отогнули. Из-под него выглядывал белый край, но сами вещи оставались закрыты.

Ольга сняла со стола хлебницу.

— Я ничего дальше не трогала. Только записку прочла.

Небольшой листок был приклеен снаружи, рядом с именем Евдокии Петровны. Вера надела очки.

«Найденные рабочие материалы. Пожалуйста, после осмотра заполните вложенное подтверждение».

Ниже шёл номер телефона.

— Вот это мне и не нравится, — сказала Ольга. — Нашли — хорошо. Но кто нашёл? Почему не позвонили, не представились?

— Может, боялись, что не возьму, — произнесла Евдокия.

— А почему должны были бояться?

— Я откуда знаю? Пока не посмотрела.

Евдокия сидела ближе к окну, руки держала на коленях. На ней была светлая кофта с коротким рукавом; Вера помнила эту кофту ещё по прошлому лету, но сегодня впервые заметила маленький тканевый клин под рукой. Евдокия когда-то сама добавила свободу, не тронув плеча.

— Сообщение у меня осталось, — сказала она. — Что доставка сегодня. И потом позвонили у подъезда.

Она взяла телефон, открыла переписку и протянула Вере. В сообщении стояли название местной службы, дата — восемнадцатое мая — и промежуток времени. Вера прочла только эти строки и вернула телефон.

— Курьер объяснял, от кого?

— Сказал: материалы. На моё имя. Я спросила, платить ли. Не надо, говорит.

— Надо было сначала мне позвонить, — сказала Ольга.

— Ты была на работе.

— Я бы ответила.

— А если бы не ответила? На лестнице держать человека?

Ольга отвернулась к хлебнице, переставила её на холодильник и сразу сняла: дверца верхнего шкафчика не открывалась.

— Я не про курьера, мам.

Вера знала, про что она. После прежней подписи под ложным подтверждением расчёта Ольга не могла спокойно видеть лист со словами «заполните» и «подтверждение». Деньги, присуждённые Евдокии, от этих новых материалов не появлялись. Но сейчас на столе лежала бумага, а не тот документ, и человек, доставивший свёрток, не выдавал себя за члена семьи.

— Пока не выясним отправителя, лучше не торопиться, — сказала Вера.

— Я и говорю, — подхватила Ольга. — Можно написать, чтобы забрали. Потом, если всё нормально…

— Что потом? — Евдокия подняла на них глаза. — Потом мне разрешат посмотреть?

Ольга открыла рот, но мать не дала ей договорить.

— Вы меня сейчас обе от чего охраняете? От воротника? Я ещё не знаю, что там.

Вера сняла очки. Она успела прийти, сесть и начать обсуждать, как поступить со свёртком, почти не обращаясь к его получательнице.

— Вы хотите открыть сейчас? — спросила она.

— Да. Для этого тебя и жду. Ольга говорит, ты лучше поймёшь. Только не надо сначала решать, что я не пойму ничего.

— Я не это сказала, — тихо ответила Ольга.

Евдокия подвинула свёрток к себе.

— Ножницы дайте.

Ольга принесла маленькие ножницы из кухонного ящика. Прежде чем положить их на стол, спросила:

— Я сфотографирую, как принесли? Чтобы потом не вспоминать.

— Сфотографируй. Только сначала хлеб убери, он в кадр попадёт.

Ольга всё-таки улыбнулась и сделала снимок сверху. Вера помогла повернуть свёрток, не поднимая его за угол.

Скотч Евдокия разрезала сама. Бумага раскрылась с сухим треском. Внутри лежала ещё одна обёртка, тонкая и светлая. На ней сверху — четыре тканевые работы на подложках, сложенные в стопку. Серо-зелёный край первой чуть заходил на тёмный лоскут под ним.

— Ещё так сниму, — сказала Ольга.

Евдокия убрала руку и подождала.

***

Вера вымыла руки и вернулась к столу. Ольга расстелила чистую наволочку там, где стояла хлебница.

— Сюда можно? — спросила Вера.

Евдокия кивнула.

Верхняя работа оказалась пробой воротника из серо-зелёной шерсти. Не целым воротником для одежды, а небольшим участком, на котором можно было проверить форму и соединение деталей. Ткань была мягкой, с редкими светлыми волосками в переплетении. На ней

шли два ряда пробной строчки: один почти прямой, другой немного отклонялся к краю. Картонная подложка потёрлась по углам; с одного бока в ней была вырезана небольшая треугольная выемка.

Евдокия протянула руку и остановила пальцы возле строчки.

— Переверни.

Вера перевернула подложку. На обороте, у основания тканевой детали, виднелась узкая вставка. Она соединяла два участка, которым без добавленного кусочка не хватило бы ширины.

Евдокия наклонилась ближе.

— Вот так у меня и не хватало.

— Чего? — спросила Ольга.

— Здесь. Когда наклон меняешь. С лица кажется, что немного отвела, а сзади уже тянет. Я сначала хотела без вставки обойтись.

Вера положила работу оборотом вверх, чтобы не пришлось держать её на весу.

— Это ваша?

Евдокия не ответила сразу. Пальцем она провела по воздуху над узким кусочком, не касаясь ткани.

— Я такую делала. Долго с ней возилась. На шее с одной стороны встанет, с другой отходит. Не в ширине дело было.

— А эту вы помните?

— Будто помню. Только не спрашивай так, словно мне сейчас надо фамилию на ней поставить.

Вера кивнула и отодвинула воротник к Евдокии.

Она узнала прежде всего саму задачу: небольшой учебный кусок, на котором не жалели места для ошибки. Не делали его нарядным, не прятали ненужную строчку. В годы работы на участке такие пробы лежали у женщин в ящиках и папках, переходили на стол, когда требовалось объяснить ученице или самой проверить сомнение. Но знакомое назначение не говорило, кто держал иглу.

Евдокия всё ещё смотрела на вставку. Лицо у неё изменилось: исчезло упрямое ожидание спора, с которым она сидела при Верином приходе. Она подалась вперёд, и Ольга молча придвинула стул ближе к столу.

Вера почувствовала радость — неожиданную, почти торопливую. Не ещё один ответ учреждения о том, что в имеющихся документах сведений нет. Не её собственное объяснение, подписанное много лет спустя. Здесь можно было показать пальцем: вот ткань, вот оставленная строчка, вот место, с которым человек когда-то мучился.

Она уже хотела сказать, что всё-таки нашлось, но Евдокия попросила:

— Другую покажи.

Следом лежала законченная проба прорезного кармана. На прямоугольнике ткани был выполнен ровный вход с двумя узкими краями; внутри свободно помещались пальцы. Работа крепилась к плотной светлой подложке. Углы были закрыты аккуратно, без торчащих концов ниток, и даже с изнанки всё выглядело приготовленным для показа.

Вера поддержала нижний край.

— Эту хорошо держали. Не затёрта почти.

— Или мало доставали, — сказала Евдокия.

— Может быть.

Вера чуть раздвинула вход кармана, не вытягивая его. Подкладка была целой. На шерсти воротника виднелись и ворс, и следы пользования, а здесь поверхность оставалась ровной. Ей хотелось принять эту разницу за удачу хранения: часть материалов могла уцелеть лучше.

— У вас такая была? — спросила Ольга.

— Карманы я шила, — ответила Евдокия. — Такой образец не припомню.

— А могли забыть?

— Могла. Потому и говорю: не припомню.

Ольга опустила глаза. Вера положила карман отдельно от воротника.

Третья работа была меньше ладони: обтачная петля на тёмном лоскуте. Вытянутый узкий прямоугольник, края сведены достаточно ровно, с одной стороны оставлен открытым маленький участок, чтобы было видно, как он устроен. Нитка крепила лоскут к тонкому картону двумя стежками.

Четвёртая показывала подгибку. Более грубую ткань сложили в несколько слоёв и закрепили так, что с одного края можно было разглядеть порядок обработки. Этот узел не пытались закончить как изделие: край оставался открытым, возле него торчала короткая нить.

— Эти тоже ваши? — спросила Ольга и тут же поправилась: — На ваши похожи?

Евдокия перевела взгляд с петли на подгибку.

— Всё на что-нибудь похоже. У меня не было привычки под каждую тряпочку картон вырезать. Но кому показывала — могла и прикрепить.

Четыре работы заняли почти всю наволочку. Они различались не только тканью, но и размерами подложек, способом крепления, тем, что мастер решил оставить открытым. Из стопки получалось удобное плоское место, а рядом друг с другом вещи казались случайно встретившимися.

Вера вернулась взглядом к воротнику. На свободном тканевом поле возле него проходила резкая линия сгиба. Она шла наискось и уходила под закреплённую деталь. У края картона был ряд пустых отверстий, не занятых нынешней ниткой.

— Можно чуть повернуть? — спросила она.

Евдокия отодвинула ладонь.

Вера развернула подложку к свету. На одной стороне картона поверхность потемнела, а рядом сохранилась более светлая полоса, словно её долго закрывал другой край. Нынешняя светлая подложка кармана была шире: она перекрывала бы эту полосу целиком и ещё выступала за неё.

На тёмном лоскуте с петлёй тоже оставался сгиб. Если класть его так, как он лежал в свёртке, прежняя линия уходила поперёк подложки, а открытый угол ткани загибался не туда.

Ольга заметила, что Вера перестала разговаривать.

— Что там?

— Лежали иначе.

— В смысле?

— Вот сгиб. А здесь старые отверстия от крепления. И край был закрыт чем-то уже, чем эта подложка.

Она указала на светлый участок картона, не прижимая ногтем.

— Это всё недавно собрали? — спросила Ольга.

— Когда — не скажу. По этим следам не видно. Но нынешняя стопка не повторяет прежнюю укладку.

— Значит, не мамино.

— Нет. Этого я не сказала. Одну вещь могли переложить, могли снять с другой основы. Здесь только видно, что лежало не так.

Евдокия снова повернула к себе воротник.

— Моя папка больше была. С тесёмками. Я их всё время подвязывала, одна короткая осталась.

Вера помнила её рассказ. В прежней согласованной записи были отдельные воспоминания о материалах, но не полный перечень. Ни тогда, ни теперь из слов о папке нельзя было узнать судьбу каждого лоскута.

— Может, папку не сохранили, — сказала она.

— Может.

Евдокия произнесла это без радости и без огорчения. Её занимал воротник.

Вера смотрела, как она держит ладонь рядом с пробной строчкой, и несовпадение подложек отступало на второй план. Его предстояло выяснить; оно не исчезло. Но сейчас ей казалось важнее, что Евдокия вспомнила не пропажу, а работу.

***

Под последней подложкой остался сложенный вдвое лист. Ольга вытащила его за угол.

— Вот и подтверждение.

Она развернула бумагу. Евдокия протянула руку.

— Дай сначала мне.

Лист был напечатан крупно, с пустыми строками для имени, даты и подписи. Евдокия читала медленно, придерживая очки у переносицы. Потом положила его между собой и Верой.

«Подтверждаю получение в полном объёме ранее утраченных рабочих материалов. Недостающих образцов и иных материалов не осталось».

Ниже просили прислать фотографию заполненного листа на тот же номер телефона, что стоял в наружной записке. Имени человека, которому следовало отвечать, не было.

— В полном объёме, — повторила Ольга. — Вот. Даже не «получила четыре штуки».

Вера перечитала обе строки. В них не упоминалась конкретная папка, не перечислялись работы. Пустое место для имени получателя было длиннее всего содержательного текста.

— При доставке этот лист не спрашивали? — уточнила она.

— Он внутри был, — ответила Евдокия. — Как его спрашивать?

— Может, просили потом передать курьеру.

— Нет. Отдал и ушёл. Я ему дверь придержала, у него ещё сумка была.

Ольга взяла телефон.

— Надо написать, что мы ничего подтверждать не будем.

— Ты можешь написать, что я не подписала, — сказала Евдокия. — А что потом буду, я сама решу.

— Мам, здесь же…

— Я прочла.

Вера пододвинула лист так, чтобы он не лежал на ткани.

— Получение можно подтвердить отдельно. Что сегодня доставили четыре образца. Без слов о том, что больше ничего не осталось.

— А откуда они знают, сколько у меня было? — спросила Евдокия.

— Пока не знаем, откуда.

— Я сама не всё перечислю. Там и мои пробы были, и вырезки, и записанное. Они это тоже вернули?

Никто не ответил.

Ольга положила телефон экраном вниз. В комнате стало слышно, как в открытой форточке дребезжит неплотно прилегающая металлическая защёлка.

Вера хотела предложить позвонить немедленно. Спросить имя, откуда взялись вещи, кто решил собрать их именно так. Но Евдокия уже отодвинулась от стола. Ей хватило первого осмотра.

— Сегодня не надо никому звонить, — сказала она. — Пусть полежит.

— В бумагу обратно? — спросила Ольга.

— Только воротник сверху.

Ольга посмотрела на Веру. Та не стала решать за хозяйку, но предложила положить работы рядом в неглубокую коробку, чтобы не давить на выступающие детали. Подходящая коробка нашлась в шкафу, из-под зимнего шарфа. На дно легла та же чистая наволочка.

Прежде чем убрать предметы, Ольга спросила:

— Сниму каждый отдельно? Потом легче будет спросить, что это.

Евдокия согласилась. Вера помогла повернуть подложки; Ольга сняла лицевую сторону каждой работы, затем оборот воротника с узкой вставкой. Фотографии остались в её телефоне. Бурую бумагу и обе записки она сложила отдельно, не выбрасывая даже отрезанные полоски скотча: они ещё держались на обёртке, и отрывать их не было причины.

— Вам переслать? — спросила она Веру.

— Потом, если будем сравнивать. Сейчас у вас сохранены.

— Возьмёте хоть что-нибудь посмотреть дома?

Вера покачала головой.

— Здесь всё оставим.

В сумку она положила только свои очки. Четыре образца поместились в коробке, воротник сверху, но не на кармане: для него оставили свободный угол. Неподписанный лист Евдокия велела убрать в боковой отсек серванта, где лежали её письма. Не в синюю папку с денежным делом.

У порога Ольга задержалась, пропуская Веру к обуви.

— Я понимаю, что она хочет. Правда понимаю. Только у меня теперь от таких бумажек…

Она не закончила. Вера застегнула туфлю и выпрямилась.

— Сегодня она ничего не подписала.

— Сегодня — нет.

Евдокия слышала их из комнаты.

— И завтра без меня не подпишете, — сказала она.

— Да кто же без тебя, мам.

Вера вернулась к дверному проёму. Коробка стояла на столе, крышка была откинута. Евдокия смотрела на неё не так, как на доставленную чужим человеком вещь; скорее как на работу, от которой давно пришлось отвлечься.

— Всё-таки начало хорошее, — сказала Вера. — Хоть можно посмотреть, потрогать. Не одни бумаги.

Евдокия подняла голову.

— Ты сначала пойми, что вернулось.

Вера придержала ремень сумки на плече. Ей стало неловко от собственной торопливой радости. Она уже успела увидеть в этой коробке больше, чем четыре вещи.

— Да, — ответила она. — Сначала надо понять.

Евдокия достала лист из серванта, ещё раз посмотрела на пустую строку для подписи и положила обратно.

— И спроси у них потом. Почему расписка за всю папку, а самой папки нет?

Глава 2. Кому отвечать

Телефон завибрировал под листом с размерами, когда Вера закрепляла подкладку у проймы. Она увидела Ольгино имя, но иглу не отложила: оставалось три стежка, а держать вывернутый плащ одной рукой было неудобно.

«Вы сегодня можете пораньше?»

Следом пришло ещё одно сообщение:

«Я нашла службу. До двух работают».

Вера вытянула нитку, обрезала её и повернула плащ лицом к себе. Подкладка больше не тянула рукав назад. У края осталась маленькая вмятина от прежнего шва; нужно было пройтись паром через ткань, не прижимая утюг.

«И номер на бумажке какой-то обычный. Не организация».

Вера посмотрела на часы. Без десяти одиннадцать. Заказчица должна была прийти в половине двенадцатого.

Она набрала Ольгу.

— Я сообщения вижу. Что-то случилось со вчерашнего дня?

— Нет. Мама утром опять достала воротник. Я ей говорю: мы даже не знаем, у кого он лежал. А она уже рассматривает.

— Она вчера тоже рассматривала.

— Вчера вы были.

Вера поставила утюг на подставку.

— Ольга, я сейчас заканчиваю плащ. В половине двенадцатого отдаю. К вам могу прийти в половине первого, минут на сорок.

— А нельзя сначала позвонить, пока они на месте? Я боюсь, потом скажут: выходные, ждите понедельника.

— До двух успеем. Если вы хотите спросить раньше, спросите. Но я до сдачи не освобожусь.

На другом конце стало тихо. Вера уже приготовилась объяснить, что обещала человеку, что тот тоже подстраивал день, что деньги за ремонт нужны не меньше, чем вчера. Вместо этого спросила:

— Евдокия Петровна согласилась обращаться в службу?

— Спросить, откуда взялось, согласилась.

— Тогда в половине первого. Бумаги пока не перекладывайте.

— Хорошо.

Вера положила телефон на полку, подальше от утюга. Неловкость осталась. Казалось, сказать «я заканчиваю плащ» перед чужой тревогой — всё равно что назвать цену не в том месте. Хотя тревога не становилась меньше от испорченного шва и сорванного обещания.

Она расправила рукав на гладильной подушечке. На кухне уже закипала вода; Вера выключила чайник, не наливая себе чашку. Сначала довела работу до конца, сняла плащ с доски и повесила у двери.

Заказчица пришла на пять минут раньше. В руках у неё был пакет с зеленью, который она не решалась поставить на пол.

— На табуретку можно, — сказала Вера. — Только подальше от вещи.

Женщина надела плащ и сразу сунула руку в починенный карман.

— Теперь не провалится?

— Теперь мешковина целая. Но если носить там связку ключей без чехла, опять протрётся.

— У меня не ключи. У меня всё.

Она достала из сумки кошелёк, телефон и круглый футляр с очками, сложила в карман и посмотрела на Веру с вопросом.

— Давайте без испытаний до разрушения. Очки лучше отдельно.

Заказчица засмеялась и вынула футляр. Прошлась до окна, подняла руку, застегнула пояс.

— А рукав вы тоже отпустили?

— Подкладку. Сам рукав не меняла. Покажу, где был натяг.

Вера вывернула край и указала на короткую свободную складку. Женщина посмотрела внимательно, хотя на примерке говорила, что ей всё равно, лишь бы не тянуло.

— Тысяча четыреста, как договаривались?

— Да.

Деньги она перевела при Вере. Та проверила поступление и оформила чек. Заказчица ещё стояла в плаще, уже с сумкой на плече, когда заметила на столе катушки.

— Слушайте, а я бы вам потом наволочку принесла. Там молния расходится. Я сама куплю, вам только поставить.

— Пришлите длину и фотографию. Скажу цену и когда возьму.

— Я думала, между делом.

— Между делом я её легко потеряю. Лучше запишем.

Женщина кивнула, без обиды, и стала искать в телефоне старый снимок дивана. Вера подождала, потом предложила прислать дома: на общем виде всё равно не разобрать, что случилось с застёжкой.

Когда дверь закрылась, до выхода оставалось двадцать минут. Вера налила чай и отрезала хлеб. Съела сидя, не просматривая Ольгину переписку. Подготовленный плащ уже унесли; на его месте лежала бумажная деталь собственной куртки. Вера убрала с неё случайно упавшую нитку, но работу не раскладывала. Этот час она сегодня отдала другому делу — одному, с названным временем.

***

У Евдокии окно было приоткрыто шире, чем вчера. На подоконнике сохла вымытая хлебница. Вера поставила сумку возле стула и заметила у двери в комнату плоскую чистую коробку, рядом — рулон упаковочной плёнки. Не стала спрашивать: Ольга уже показывала ей экран телефона.

— Вот их страница. И номер в мамином сообщении тот же. Я отдельно проверила.

— Что вы хотите спросить?

— Кто заказал и куда возвращать.

Евдокия сидела за столом, положив перед собой телефон.

— Куда возвращать, я не просила.

Ольга втянула воздух, словно собиралась говорить долго, но только придвинула стул.

— Хорошо. Кто заказал.

Коробка из-под шарфа стояла на низкой тумбе. Крышка была закрыта не до конца: мешал угол наволочки. Евдокия заметила Верин взгляд.

— Я смотрела. Положила, как вчера.

— Угол не зажат?

— Нет. Я проверила.

Ольга попросила разрешения включить громкую связь. Евдокия кивнула.

Ответили не сразу. В трубке несколько раз повторили, что звонок важен; за это время Ольга нашла сообщение о доставке и положила рядом бумажку с номером заказа. Когда наконец заговорила живая женщина, Ольга начала быстро:

— Добрый день. Вчера вы доставили свёрток моей матери. Внутри нет имени отправителя, только телефон. Мы хотим узнать, кто это прислал.

Женщина попросила назвать номер заказа. Потом уточнила, звонят ли с телефона получателя.

— Сейчас с моего. Мамин рядом. Мама здесь, я ей помогаю.

— Соедините, пожалуйста, с получателем.

Ольга подвинула телефон.

— Я Кирсанова Евдокия Петровна, — сказала хозяйка. — Получила вчера. Дочь при мне разговаривает, я разрешаю. Мне мелкие цифры читать трудно.

Сотрудница задала ещё несколько вопросов по доставке. Евдокия отвечала сама; только номер из сообщения прочла Ольга.

— Да, заказ вижу. Доставка выполнена вчера по указанному адресу.

— А отправителя видите? — спросила Ольга.

— Заказ оформлен. Контакт заказчика у нас есть.

Ольга посмотрела на Веру, чуть подняв брови.

— Тогда назовите, пожалуйста.

— Данные клиентской карточки по телефону мы не выдаём. Я могу зарегистрировать ваше обращение и передать заказчику просьбу связаться с получателем.

— Но он знает наш адрес.

— Я понимаю. Вы сейчас хотите оформить обратную доставку или запросить сведения по отправлению?

Евдокия наклонилась к телефону:

— Сведения. Назад пока ничего не посылайте.

— Хорошо. Что передать заказчику?

Ольга взяла ручку. Вера видела, как она выводит на краю своей бумажки несколько слов, потом зачёркивает.

— Что получатель просит представиться и объяснить происхождение содержимого, — сказала она. — И основание отправки.

— Это можно передать, — ответила сотрудница. — Обращение будет к вашему заказу. Ответ получите по контакту получателя.

— А сейчас с ним можно связать?

— Нет, такой возможности у меня нет. Я передам обращение. Срок ответа самого заказчика обещать не могу.

Евдокия согласилась. Женщина продиктовала номер обращения; Ольга записала и прочла обратно.

Вера жестом попросила не завершать звонок.

— Можно ещё вопрос? — сказала она. — Внутри был лист, который просят подписать после осмотра. Ваша служба должна получить такой лист?

— Какой именно?

Ольга прочла начало, не называя имени матери: подтверждение возврата утраченных рабочих материалов в полном объёме.

— Нет. У нас такого требования нет. Курьер не проверяет содержимое и не собирает подтверждений такого рода. Если отправитель вложил свой документ, это вопрос к нему.

— И доставка не была условной? — спросила Ольга. — То есть сначала подпись, потом свёрток?

— По этому заказу — нет. Доставка оплачена, никаких сумм с получателя не предусмотрено.

— А кто оплатил?

— Это относится к данным заказа. Вашей оплаты не требуется.

Ольга хотела задать ещё вопрос, но Евдокия подняла ладонь.

— Спасибо. Передайте, пожалуйста, что я хочу знать, откуда вещи. Не только кто их привёз.

После звонка Ольга аккуратно обвела номер обращения.

— Значит, сведения есть, а нам не дают.

— Они передадут вопрос заказчику, — сказала Вера.

— Если передадут.

— Номер обращения у вас есть.

Ольга отложила ручку.

— Вы считаете, всё нормально?

— Нет. Я считаю, доставку оформили в службе. Не человек с улицы принёс и растворился. Это мы теперь знаем.

— Но скрывается всё равно.

— Имени во вложении нет. Почему нет — пока не знаем.

Евдокия подвинула к себе бумажку с номером обращения, посмотрела и попросила написать крупнее. Ольга переписала на чистом месте. Вера подумала, что вчерашний свёрток уже казался им чуть менее чужим: у него оказался обычный путь через заказ, курьерскую сумку, сообщение о времени. От этого четыре работы не стали Евдокиными. Но не нужно было придумывать ловушку там, где пока лежал неясный лист.

— Давайте теперь по их номеру, — сказала Евдокия. — Через службу они могут долго отвечать.

***

Лист достали из бокового отсека серванта. Ольга положила его на стол, не приближая к коробке с образцами. На сгибе бумага выгнулась, и Вера прижала край пустым блюдцем.

Номер на наружной записке совпадал с номером под просьбой о подтверждении. Вчера это уже проверили. Теперь Ольга ввела его в телефон матери и открыла переписку. Вместо фотографии стоял пустой кружок.

— Ни имени, ни картинки, — сказала она.

— У меня тоже не моя картинка, — отозвалась Евдокия. — У меня цветок.

— Я не про картинку, мам.

— А я про то, что не там ищешь.

Ольга протянула матери телефон.

— Напишешь сама?

Евдокия попробовала набрать первые слова, попала пальцем по соседней букве, стёрла и раздражённо положила телефон на стол.

— Ты набирай. Я скажу.

Вера достала очки. Ей хотелось сократить всё до трёх точных вопросов, но она подождала.

— «Я получила вчера вещи», — начала Евдокия. — Нет. «Вчера, восемнадцатого мая, мне доставили четыре работы».

— Образца, — тихо предложила Вера.

— Пусть образца. «Прошу сообщить ваше имя и откуда у вас эти вещи». И ещё про всё.

Ольга посмотрела на лист.

— «На каком основании вы утверждаете, что возврат полный?»

Евдокия повторила эту фразу вполголоса.

— Можно проще. «Что вы называете всем утраченным? Есть ли у вас список?»

Ольга набрала. Внизу добавила имя матери и повернула экран к ней. Вера прочла с другого края стола: дата, четыре образца, имя отправителя, происхождение, вопрос о списке. Ничего лишнего.

Евдокия попросила прочитать вслух, выслушала и разрешила отправить.

— А фотографию воротника приложить? — спросила Ольга.

— Пока не надо, — сказала Вера. — Сначала пусть ответят, что присылали.

Телефон оставили на столе. За окном проехала машина с открытыми окнами; несколько секунд была слышна громкая музыка, потом снова только двор. Евдокия посмотрела на часы.

— Вера, тебе чаю налить?

— Я ненадолго. Вы сами пить будете?

— Буду. А ты решай за себя.

Вера улыбнулась.

— Тогда полчашки.

Ольга ушла на кухню и вернулась с чайником. Чашку матери поставила справа, но Евдокия передвинула её к середине: там было удобнее брать за ручку. Ольга заметила движение и ничего не сказала.

Пока чай остывал, Евдокия попросила открыть коробку.

— Только воротник не вынимайте. Я хочу посмотреть, где край.

Вера откинула крышку. Серо-зелёная шерсть при дневном свете казалась светлее. Два ряда строчки были видны и без очков, а узкая вставка оставалась на обороте. Евдокия подвела палец к углу картона, не касаясь ткани.

— Здесь я вчера думала, что сама вырезала.

— Выемку?

— Да. Но я много чего вырезала. И не одна я ножницами пользовалась.

Ольга держала чайник над своей чашкой и слушала.

— Значит, не ваше?

— Значит, я тебе сказала, что думала. Не надо сразу в другую сторону.

Вера опустила крышку. Ей нравилось, что Евдокия сама оставляет себе время. И всё-таки хотелось услышать от неё хотя бы одно уверенное слово — не ради записей, которых у Веры пока не было, а чтобы вчерашняя радость получила основание.

Телефон подал короткий сигнал.

Ольга поставила чайник и придвинула аппарат к матери. Ответ пришёл с номера во вложении.

«Здравствуйте. Материалы возвращаются после разбора хранения. Просим осмотреть полученное и затем прислать фотографию заполненного подтверждения. Это необходимо, чтобы отметить завершённый возврат. За вещи и доставку платить не нужно».

Ольга прочла дважды, второй раз — медленнее.

— На вопросы не ответили.

— Про оплату ответили, — сказала Евдокия. — Только я про неё не спрашивала.

Вера взяла лист за край, приподняла из-под блюдца. В нём не было места для описания воротника или кармана. Только общее утверждение и пустые строки для имени, даты и подписи.

— Они предлагают отметить завершённым то, чего мы ещё не проверяли.

— Вот именно, — сказала Ольга. — Я с самого начала…

Евдокия повернулась к ней, и Ольга остановилась.

— Я сейчас не про вчера, — добавила она уже тише. — Почему им нужна именно фотография?

— Её проще получить, чем бумагу, — сказала Вера. — Но кто пишет и кто придумал этот лист, из ответа не видно.

— Позвонить?

Евдокия обхватила чашку ладонями.

— Я не хочу сейчас, чтобы меня торопили голосом. Напишем.

Ольга открыла поле ответа. На этот раз ждала, не предлагая начала.

— Можно подтвердить доставку отдельно, — сказала Вера. — Четыре предмета получили. Этого никто не отрицает.

— А они потом скажут, что я согласилась?

— Поэтому слова о полном возврате не нужны. И сам бланк отправлять не надо.

Евдокия посмотрела на неё поверх очков.

— Ты мне не обещай, что никто ничего не скажет. Мне бы самой не написать того, чего не знаю.

Вера кивнула.

— Давайте прочтём перед отправкой.

Евдокия диктовала с паузами, и Ольга не торопила её:

«Подтверждаю только доставку мне 18 мая четырёх образцов на подложках. Принадлежность каждого из них и полноту возврата я пока не подтверждаю. Предложенный лист не подписан. Прошу ответить, кто возвращает вещи, откуда они получены и есть ли перечень утраченных материалов».

— «Спасибо» поставить? — спросила Ольга.

— За что сейчас?

— Обычно в конце ставят.

— Обычно можно. Здесь пока не надо.

Вера прочла текст целиком. Евдокия велела заменить «предложенный» на «вложенный»: так было понятнее, о какой бумаге речь.

Отправили с её телефона. Ольга не пересылала Вере переписку, только ещё раз повернула экран, чтобы та видела окончательный текст. Вера запомнила не все слова, но смысл был ясен: получили четыре вещи; остального не удостоверяли.

— Пока ответа нет, можно убрать? — спросила Ольга.

— Телефон оставь рядом, — сказала Евдокия. — А лист положи к письмам.

Ольга взяла бумагу. На несколько секунд она задержалась у серванта, словно искала другое место, более надёжное. Потом убрала туда, куда попросили.

***

Вера собирала очки, когда Ольга подняла плоскую коробку у двери.

— Я вот эту принесла. Она крепкая, с двойным дном. Если что, всё войдёт, и наволочку не надо отдавать.

Евдокия поставила чашку.

— Куда отдавать?

— При обратной отправке.

— Мы сейчас для чего писали?

— Чтобы узнать. Но если они опять не назовутся, должна же быть возможность вернуть.

Ольга развернула коробку. Сложенные стенки распрямились с сухим треском. Вера машинально посмотрела на высоту борта.

— Карман туда лучше отдельно положить, у него подложка жёсткая. Если на воротник…

Она остановилась. Ольга уже кивала, готовая выполнить и это.

Евдокия сидела неподвижно, положив одну руку на край стола.

— Вы у меня спросите, когда закончите упаковывать?

— Мы не упаковываем, — сказала Ольга. — Я принесла пустую коробку.

— И плёнку.

— Чтобы не бегать потом! Мам, я же не курьера вызвала.

Вера сняла руку с борта коробки.

— Подождите. Я тоже начала советовать не о том. Сегодня никто не поручал отправлять вещи обратно.

Ольга сжала картон по сгибу. Стенка не сложилась, упёрлась в другую, и она сердито расправила обе.

— Поручал, — повторила она. — Как будто я здесь по доверенности всё делаю. Я утром в магазине увидела коробки и взяла. Что в этом такого?

Вера не ответила сразу. Взять коробку и правда было не преступлением. Ольга принесла её на случай неприятного разговора, как приносили запасной зонт или лекарства в дорогу. Но неприятный разговор она уже довела в голове до конца — за двоих.

— В коробке ничего плохого, — сказала Вера. — Только мы сейчас обсуждаем отправку, которую Евдокия Петровна не выбрала.

— А если опять получится, что выбирать придётся мне? Когда уже всё сделано?

Евдокия отвела взгляд к окну.

На столе осталась крупная запись номера обращения. Рядом стоял телефон, с которого только что ушёл осторожный, самостоятельно продиктованный ответ. Вера видела всё это и всё же понимала, почему Ольге было мало сегодняшней осторожности. У прежнего листа тоже была настоящая подпись матери. Последствия не исчезли оттого, что разобрались, как её получили.

— Я знаю, что ты потом со мной разбиралась, — сказала Евдокия. — И ездила. И звонила. Я этого не забыла.

Ольга перестала сгибать картон.

— Я не за спасибо.

— Знаю. Но ты теперь заранее хочешь сделать так, чтобы я ни во что не вошла.

— А я не хочу снова вынимать тебя оттуда.

Слова вышли громче, чем Ольга, кажется, собиралась. Она положила коробку на пол.

Вера потянулась к чайнику, желая налить всем ещё, и убрала руку. Чай сейчас только дал бы ей занятие.

— Можно не брать на себя всё, что будет потом, — сказала она Ольге. — Но вещи пока здесь, лист не подписан. Сегодня есть время спросить.

— А кто ответит? Написали же: «завершённый возврат». Им уже всё понятно.

— Нам нет, — сказала Евдокия.

Она сняла очки и сложила дужки.

— Я не прошу тебя верить этому человеку. Я сама не знаю, кому. Но воротник хочу пока оставить у себя. И остальные рядом, чтобы потом не говорили: я не то показывала. Ты можешь помочь мне узнать, откуда это. Отправлять не надо.

— Совсем?

— Пока я не решу. Если решу — скажу.

Ольга села. Вера взглянула на часы: до оговорённых сорока минут оставалось совсем немного. Она не стала прятать этот взгляд. Евдокия заметила.

— Мы тебя задержали.

— Я ещё минут пять могу. Давайте только договоримся, кто что делает, чтобы не начать всё заново вечером.

Ольга пододвинула матери телефон.

— Ответ службы придёт тебе. Если не прочтёшь, позвонишь мне?

— Позвоню.

— На тот номер больше сама не пиши, пока…

Она осеклась.

Евдокия подождала.

— Если ответишь, сохрани, пожалуйста, переписку, — закончила Ольга. — Чтобы потом не вспоминать, что было.

— Хорошо.

— И если позвонят, имя спроси. И откуда вещи.

— Я это и хочу узнать.

Вера достала рабочую тетрадь.

— Можно я запишу дату получения и состав? Без вывода, кому принадлежит. И что обращение в службу оставили.

— Запиши, — сказала Евдокия. — Только я ничего своим пока не назвала.

— Так и будет.

Вера отвела новую страницу. Написала: «18 мая. Со слов получательницы — доставка четырёх образцов». Ниже перечислила воротник из серо-зелёной шерсти, прорезной карман на светлой подложке, обтачную петлю на тёмном лоскуте, узел подгибки на грубой ткани. Приписала, что все четыре видела при вчерашнем осмотре.

Ольга продиктовала номер сегодняшнего обращения в службу. Вера отметила: просьба передать заказчику вопросы получательницы; имя пока не сообщено. Отдельной строкой — отправлен ответ только о факте доставки, вложенное подтверждение не подписано.

— Фотографии у вас остаются? — спросила она Ольгу.

— Да, исходные не удаляла.

— А вещи здесь, — сказала Евдокия.

Вера записала и это. О семейном разговоре в тетради не появилось ни слова.

Ольга подняла чистую коробку, на этот раз сложила её ровно и убрала вместе с плёнкой в прихожую. Не выбросила и не унесла с демонстративным видом. Просто освободила проход.

Вера застегнула сумку. У тумбы остановилась, чтобы поправить выступавший угол наволочки, но сначала посмотрела на Евдокию. Та кивнула. Крышка легла свободно; внутри ничего не передвинулось.

— Если придёт ответ, я вам сообщу, — сказала Ольга.

— Сначала маме прочтите.

— Конечно.

Евдокия не стала проверять это обещание ещё раз. Она вернула очки в футляр и попросила Веру оставить на столе бумажку с номером обращения: Ольга, собирая чашки, едва не убрала её вместе с салфеткой.

— Имя выясняйте, — сказала она. — Откуда взяли, тоже. Я согласна.

У двери Вера обернулась.

— А назад пока не отправляем.

— Назад я и сама успею. Сначала хочу узнать, почему они ждут, что я знаю всё, чего они мне не написали.

Глава 3. Чужая половина

Софья Зимцова держала фарфоровую собаку за ухо и смотрела на освободившееся место в серванте.

— Вот куда её теперь? Дарили ведь.

— На другую полку, — сказала Вера.

— На другой тоже дарили.

Собака была размером с хороший заварочный чайник. На шее у неё висел медальон с английской надписью, которую Софья закрывала поворотом к стене. Она поставила собаку на подоконник, отступила и осталась довольна.

— Здесь пусть сидит. Хоть на улицу посмотрит.

Вера сняла лёгкую куртку, в которой пришла, повесила возле двери. Софья позвонила ей час назад: сегодня, двадцатого мая, привезли старые швейные пробы. Не от родственников, не из библиотеки — из службы доставки. Внутри записка: возвращают найденное. Можно ли Вере зайти? Ненадолго, до приезда внучки.

Имя Софьи в прежних разговорах о швейном участке звучало не раз. Сама она приходила на одну из встреч, сидела с краю, долго не снимала плащ. Тогда Вера запомнила её вопрос: если найдут не всё, найденное тоже будут держать, пока разберутся с остальным? Готового ответа ей никто не дал.

Теперь Софья была дома, в блузке с закатанными рукавами. Из кухни пахло печёным луком. На обеденном столе стоял свёрток, а рядом — три блюдца, чашка с ложкой и открытая коробка с сахаром.

— Я уж бумагу отогнула, — сказала она. — Дальше не трогала. Подумала, тебе лучше самой увидеть.

— Чашки куда?

— На кухню, на край. Я сейчас пирог достану.

Вера перенесла посуду. В мойке лежала разъёмная форма, под краном отмокал венчик. Она поставила чашки на свободное место и вернулась в комнату. Софья, придерживая прихватками противень, вытолкнула коленом дверцу духовки и позвала:

— Ты не мой там ничего. У меня после пирога всё равно ещё будет.

— Я и не мою.

— Правильно. А то я хотела тебя попросить, но не для этого же звала.

Она поставила противень остывать и принесла влажную тряпку. Протёрла стол вокруг свёртка, не касаясь бумаги, потом ещё раз заглянула в сервант.

— Внучка здесь останется до завтра. У неё в городе воду отключают, а мать на сутки ушла. Привезёт работу, будет у меня сидеть с компьютером. Я ей верхнюю полку освобожу под вещи, а это сюда положу.

— Она шьёт?

— Нет. И не надо ей шить. Она фотографии обрабатывает, объявления какие-то делает. Я не во всём понимаю. Но спрашивала как-то, что у меня за работа была. Я рассказала. Она говорит: «А показать можешь?»

Софья поправила салфетку на пустой полке. В середине остался круг от фарфоровой подставки.

— Я ей юбку свою показала. Только юбка — это юбка. Купленную тоже можно показать.

— Ты же сама сшила.

— Сама. Но я не только юбки шила.

Она сказала это без обиды на внучку. Скорее так, будто давно собиралась дополнить ответ и теперь представился случай.

Вера подошла к столу. Бурая внешняя бумага была разрезана по сгибу; внутри лежали четыре плоские работы на подложках. Верхнюю светлую обёртку Софья отвернула, но не вынула из-под них. Лист с печатным текстом виднелся у края.

— Прямо так и лежали?

— Да. Только эту бумагу подняла.

— Можно снять, прежде чем разложим?

— Моим давай. Я сама потом не вспомню, что сверху было.

Софья принесла телефон, открыла камеру. Вера придержала отворот бумаги, чтобы он не заслонял край. С первого раза в кадр попал Верин рукав.

— Подожди, я отойду.

— Не надо далеко. Я тебя из посылки не получила, разберусь.

На втором снимке были видны только свёрток и четыре подложки. Софья проверила изображение, увеличила, потом положила телефон возле коробки с сахаром.

— Ну, теперь?

— Теперь посмотрим.

Софья не стала ждать, пока Вера выберет первую вещь. Сама подняла продолговатую пробу из коричневатой ткани и осторожно уложила перед собой.

— Вот это моё.

***

На подложке была обработана часть борта — передний край вещи, где должны были располагаться застёжки. Полоса ткани заворачивалась внутрь; небольшой участок оставили открытым, чтобы было видно, как укреплён край. У нижнего поворота шли две короткие строчки, одна из них обрывалась раньше другой. Рядом тянулся ряд следов от удалённых стежков.

Софья взяла очки со шнурка.

— Я здесь сперва слишком близко прошла. Видишь, как стянуло? Потом выпорола. А второй раз не всю строчку делала, только угол.

Она не показывала наугад. Сначала указала на пустые проколы, затем на короткую строчку, после этого отогнула свободную часть внутренней полосы.

— И эту пришлось заменить. Первая узкая была, её выворачивало. Я кусок от своего жакета брала, больше не было. Потом нашла другой. На лице одинаково, а с этой стороны чуть светлее.

Вера наклонилась. Внутренняя полоса действительно отличалась оттенком. На сгибе это было почти незаметно, зато открытый край позволял увидеть обе ткани рядом.

— Ты не стала старую строчку закрывать?

— Так в этом и дело было. Чтобы рядом посмотреть: что получилось и что я потом исправила. Для готовой вещи я бы ещё раз распустила, здесь оставила.

Софья разгладила пальцем не ткань, а картон возле неё.

— Я думала, это давно выбросили.

Вера помнила такие работы. Их делали не ради красивого законченного вида: ошибочный участок иногда сохраняли нарочно, чтобы не повторять объяснение каждый раз. На столе перед Софьей лежала именно такая проба — с неровностью, которую не скрыли.

— Вы по этому учились? — спросила Вера.

— И сами смотрели, и другим показывали. Не всё же на изделии пробовать. Здесь можно испортить, а потом понять, почему. Мне вот этот угол долго не давался.

Она улыбнулась и повернула подложку к свету.

— Теперь нашёлся. Дома всё время: «Мама, ты у нас всё подшить можешь». Будто я тридцать лет только низ подшивала.

Вера хотела сказать, что понимает, но Софья уже взялась за вторую работу.

Это был воротник из серо-зелёной шерсти. Его закрепили на потёртой прямоугольной подложке; тканевое поле выступало за картон с одной стороны, с другой было завёрнуто внутрь. Линия притачивания шла с заметным наклоном, один конец поднимался выше. У внутреннего края короткий участок оставили открытым. Там виднелась узкая полоса, добавленная между деталями.

Софья поднесла пробу ближе, потом отдалила.

— И этот, кажется, мой. Мы с наклоном возились. Чтобы у шеи не стоял колом.

— Полосу вставляли, чтобы проверить положение без нового кроя, — сказала Вера.

— Да. Ты помнишь?

— Такой способ помню.

Вера перевернула подложку, поддерживая выступавшее тканевое поле. У длинного края шёл старый ряд пустых отверстий. Чуть в стороне оставались две пары, расположенные ближе друг к другу. Нынешние крепёжные стежки проходили иначе. Через свободную часть шерсти тянулся косой сгиб; в теперешней укладке на этом месте не было ни края картона, ни сложенной детали.

— Тут раньше по-другому закрепляли, — сказала она.

— Могли перекладывать. Столько лет.

— Могли.

Серый картон у одного угла расслоился, но не отрывался. Вера не стала поднимать его пальцем. Положила пробу лицом вверх.

Софья смотрела на открытую часть обработки.

— Я ведь как раз не любила всё наглухо зашивать. Потом кому показывать? Опять распарывать.

— Похоже на твою работу, — сказала Вера. — И вставка так сделана, как мы делали. Думаю, ты верно узнала.

Софья сразу кивнула, словно ей не хватало именно этого подтверждения.

Вера не помнила, как Софья шила данный воротник. Не помнила его на её столе. Узнала учебную задачу, привычный способ оставить работу открытой, шерсть, которую тогда берегли для проб. Такие детали могли быть у нескольких женщин. Но рядом лежал коричневый борт, и Софья только что так точно показала порядок исправлений, что уверенность от одной вещи незаметно перешла на другую.

— А эти два? — спросила Вера.

Софья вынула небольшую пробу закрепления подкладки. Тонкая ткань была соединена с плотной основой так, чтобы между ними оставался небольшой запас. Один край держался на длинной нитяной перемычке, другой был подшит чаще.

— Не скажу. Я такие делала, конечно. Но чтобы вот это моё… Нет, не помню.

Последним оказался маленький узел застёжки: сложенная вдвое полоска ткани, петля и укреплённый участок под пуговицу. На изнанке оставили открытый конец тесьмы.

Софья повернула его дважды.

— Это могло лежать у меня как образец. Не обязательно я делала.

— Значит, пока не называем твоим.

— Пока не называем, — легко согласилась Софья. — Мне и первых двух хватит.

Вера подвинула чистую обёртку, чтобы все четыре работы лежали на ней, а не на столешнице. Две большие подложки заняли середину, маленькие — свободное место справа. Софья снова взяла телефон.

— Теперь каждую?

— Если хочешь. И воротник с другой стороны: там прежние отверстия видны.

— Для внучки?

— Для сравнения. Если потом будут спрашивать, что именно привезли.

Софья сняла борт, воротник с лица и с оборота, обе маленькие пробы. На последнем кадре её пальцы закрыли часть узла застёжки; она пересняла, уже не дожидаясь замечания.

Из кухни донёсся сухой щелчок остывающего противня.

— Хорошо, что лук, а не варенье, — сказала Софья. — Я бы про сладкий пирог уже забыла.

Она ушла на кухню, а Вера осталась у стола. Четыре вещи в новой обёртке лежали аккуратно, с одинаковыми промежутками. Прежде они могли храниться порознь. В этом ещё не было ничего необъяснимого: тот, кто разбирал старое, мог просто подобрать подходящую бумагу и переложить всё, чтобы довезти.

Вера заметила, с какой готовностью нашла это объяснение.

Софья вернулась с двумя тарелками.

— Ты хоть маленький кусок. Остальное я к приезду оставлю.

— Только уберём со стола работы.

— В сервант?

— Давай пока сюда, на свободный край. Чтобы не складывать заново.

Софья принесла из спальни широкую крышку от коробки, застелила её чистой тканью. Подложки поместились рядом. До серванта оставалось два шага, но она всё-таки не унесла их: хотела видеть.

***

Печатный лист Софья достала из-под обёртки, когда Вера уже взяла вилку.

— Вот это ещё. Наверное, у Евдокии такой?

Вера отложила вилку и прочла. Тот же короткий текст о получении в полном объёме утраченных рабочих материалов, об отсутствии недостающего. Внизу — место для имени, даты, подписи. Перечня четырёх вложенных предметов не было.

— Такой же по содержанию. Она не подписала.

— А почему?

— Пока не знает, что её. И что здесь называют всем.

Софья положила лист между тарелками.

— Ну, Евдокия всегда с памятью строго. Если не помнит — не скажет.

Вера не стала объяснять, что дело не только в памяти.

— Ты борт узнала. Про воротник мы с тобой предполагаем. Два других не узнала. Можно так и ответить, по отдельности.

— Что значит — предполагаем? Ты же сама сказала.

— Сказала, что похоже на твою работу. Но я не видела, как ты его делала.

Софья поджала губы, потом разрезала свой кусок пирога пополам.

— Я тоже уже не вижу, как я его делала. Только помню.

— Поэтому хорошо бы сравнить со старой фотографией. Может, у тебя есть, где работы на столе.

— У меня на столе всегда что-нибудь лежало. Думаешь, я это всё снимала?

— Не специально. Кто-нибудь дома фотографировал, а стол попал.

Софья не ответила. Вера попробовала пирог: лук был мягким, тесто снизу чуть влажным. Хотелось похвалить, но теперь это прозвучало бы попыткой уйти от неприятного.

— Мы можем сейчас записать, — предложила она. — Борт — по твоему узнаванию, с исправленным углом. Воротник — для дальнейшего сравнения. Остальные два — пока без владельца.

— И что потом? Они скажут: раз не знаете, отдайте назад?

— Откуда ты это взяла?

— А откуда ты знаешь, что не скажут?

Вера посмотрела на лист. Ни возврата посылки, ни угрозы забрать вещи там не было. Но и имени человека, к которому можно было бы обратиться с обычным вопросом, тоже.

— Сейчас этого не требуют, — сказала она.

— Сейчас. Я уже ходила просить. Не раз. Сперва объясняешь, что это вообще не обрезки. Потом — зачем они тебе. Потом тебе говорят: столько времени прошло, что же вы раньше. А я раньше и приходила.

Софья сдвинула тарелку.

— Куда приходила? — спросила Вера.

— По разным местам. И писала. Что толку сейчас вспоминать, если наконец привезли.

Она взяла пробу борта за картонный край и поднесла к себе. Вера промолчала. Софья не предложила показать старые письма, не назвала человека, которому писала. Расспрашивать о том, чего она сейчас явно не хотела касаться, значило превратить приглашение в ещё одну сверку с обязанностью отвечать.

— Ты думаешь, я хочу чужое себе взять? — спросила Софья.

— Нет.

— Вот. Мне чужого не надо. Но своё опять доказывать до последнего стежка — я тоже устала.

Вера знала эту усталость не как собственную. Она помнила её по людям, которые приходили с одним листом, уходили за другим, а потом переставали приходить. Её подпись на старом акте была среди причин, по которым теперь нельзя было просто раскрыть опись и назвать владельца каждой вещи. Желание сказать Софье что-нибудь обнадёживающее стало почти физическим: не оставить ей ещё один недоеденный обед и список неизвестного.

— Главное, похоже, действительно нашлось, — сказала Вера. — По крайней мере, уже есть что сравнивать, не одни воспоминания.

Софья подняла глаза.

— Ну вот. Я тоже так думаю.

Вторая часть Вериной фразы, кажется, уже не понадобилась.

Телефон Софьи зазвонил. Внучка сообщала, что задержится у подруги и приедет ближе к вечеру. Софья слушала, придерживая ладонью пробу борта.

— Не торопись. У меня всё готово. Нет, покупать ничего не надо. Хлеб есть… У меня тебе кое-что показать.

Она не объяснила по телефону что. Улыбнулась и закончила разговор.

Вера доела пирог. Софья завернула ещё кусок, но Вера отказалась: у неё были планы на вторую половину дня, носить с собой еду не хотелось. Отказ не испортил настроения хозяйки.

Перед уходом они договорились вернуться к фотографиям. Софья посмотрит, что есть дома, а Вера спросит у Евдокии и Ольги, можно ли использовать снимки первого свёртка для предметного сравнения.

— Только по всему городу не рассылай, — сказала Софья. — Я ещё сама никому не показала.

— Не буду. Если понадобятся твои снимки кому-то ещё, сначала спрошу.

Лист оставался неподписанным на столе. Вера показала на него:

— Про весь возврат пока лучше не торопиться.

— Я подумаю, — ответила Софья.

Она не обещала ждать.

У двери Вера оглянулась. Софья уже открыла сервант и переносила туда широкую крышку с четырьмя работами. Подложки не вошли в один ряд. Она попробовала поставить крышку наискось, затем вернула на стол.

— Значит, полка мала, — сказала она. — Будет на комоде. Собаку зря тревожила.

Вера вышла с ощущением, что впервые за эти дни увидела не только тревогу вокруг возвращённых вещей. Софья радовалась без оглядки каждую минуту, когда не приходилось обсуждать лист. И Вере не хотелось считать эту радость ошибкой.

***

На следующий день, двадцать первого мая, Софья прислала фотографию.

Вера увидела её, когда собиралась перенести на ткань поправку к своей лёгкой куртке. Бумажная деталь лежала на домашнем столе; возле проймы ещё оставалась карандашная отметка после майской примерки. Она сняла с пальца напёрсток и открыла сообщение.

«Я всё-таки подписала. Сегодня отправила им. Пусть не думают, что я с претензий начинаю».

На снимке лежал заполненный лист, рядом — воротник. Имя Софьи, дата и подпись были хорошо видны. Подложка чуть заходила под бумагу, но не закрывала ни одной строки текста.

Вера позвонила.

— Ты весь лист подписала? Ничего не меняла?

— Весь. Я же написала.

— И фотографию уже отправила?

— Да. С утра. Написали, что получили. Я оригинал у себя оставила.

Вера отодвинула лекало, чтобы локтем не замять край.

— Софья, мы вчера договорились ещё посмотреть фотографии.

— Посмотрим. Разве я отказалась?

— В листе написано, что недостающих материалов нет.

— Я прочла, Вера. Не мимо подписи попала.

В трубке что-то звякнуло. Софья, вероятно, отставила чашку.

— Внучка вчера посмотрела, — сказала она уже другим голосом. — Ей борт понравился. Спрашивала, почему здесь не доделано. Я показала, где переделывала. Она говорит: «Так оставь, всё понятно». Хочет меня с ним снять, не только руки.

Вера смотрела на воротник у края листа.

— Это хорошо.

— Хорошо, — повторила Софья. — Я потому и не хочу начинать с того, что мне опять мало дали. Человек нашёл, привёз, денег не просит. А я сразу: представьтесь, докажите.

— Ты не знаешь, тот ли человек всё сохранил и кто собрал.

— Не знаю. Но он мне отдал.

Вера могла сейчас повторить все вчерашние доводы. Они были верными и уже не меняли того, что фотография подписи ушла на чужой телефон. Она попросила Софью не класть трубку и ещё раз увеличила присланный снимок.

У воротника была поднята та часть тканевого поля, которая вчера свисала за картон. Косой сгиб пересекал её и уходил под край подложки. Вблизи сгиба виднелись пустые отверстия. С этого ракурса две тесные пары у края были заметнее, чем вчера на столе.

Вера вспомнила воротник Евдокии: серо-зелёную шерсть, след прежнего перекрытия, пустые крепления. Не сам приём обработки — с ним как раз ничего странного не было. Ей вспомнилось, где на ткани проходила косая линия относительно картона.

— Ты зачем его рядом с листом положила? — спросила она.

— Чтобы понятно было, про что подпись. Борт сначала хотела, но он текст закрывал. А что?

— Ничего. На снимке край лучше виден.

— Тебе прислать отдельно?

— Пришли, пожалуйста. Тот, что вчера с оборота снимала.

Софья отправила фотографию и вернулась к разговору.

— Ты теперь думаешь, это не моё?

— Я пока не знаю.

— Вчера знала.

Вера положила ладонь на бумажную деталь куртки.

— Вчера я сказала увереннее, чем могла. По способу обработки. Он не только у тебя был.

— Мы все одинаково учились.

— Да.

— Но ты же меня поддержала.

— Поддержала.

После этого признания стало труднее говорить, зато не понадобилось объяснять Софье, что та неверно поняла.

— Я сейчас не скажу, чей воротник, — продолжила Вера. — Хочу сравнить с тем, что привезли Евдокии. Ты разрешишь мне посмотреть рядом ваши фотографии? Без листа с подписью.

— Посмотри. Только Евдокии пока не говори, что я её вещь забрала. Я ничего не забирала.

— Я этого не знаю и говорить не буду.

Они закончили разговор без обычных слов о том, что непременно созвонятся. Вера написала Ольге: появилась вторая воротниковая проба; можно ли получить фотографии первой — лицо, оборот и общий вид с подложкой — только для сравнения, без дальнейшей пересылки. Добавила, что разрешение нужно и Евдокии.

Пока ждала, перенесла на ткань одну короткую отметку. Затем убрала мел. Для раскроя требовалось внимание, которого сейчас не было; однако она не стала складывать всю свою работу в шкаф.

Ольга ответила через полчаса. Мать согласилась. Следом пришли три исходных снимка.

Вера открывала их по очереди. У Евдокии на картоне была треугольная выемка; у Софьиной пробы такого края не было. Подложки снимали с разного расстояния, одна казалась шире, хотя без линейки это ничего не значило. Воротники лежали под разными углами. Косые сгибы проходили по свободным полям ткани; пустые крепления группировались возле краёв, которые при прежней укладке могли сближаться.

Она не пыталась растянуть один снимок до размера другого. От этого совпадение могло появиться просто на экране.

Но теперь ей хотелось увидеть не только две лицевые стороны. Если подложки когда-то помещались рядом или одна частично поверх другой, старые сгибы и места креплений могли относиться к общей укладке. Это ещё не делало воротники работой одного человека. Не объясняло, когда их разложили по разным свёрткам. Зато прежней лёгкой уверенности — Софья узнала свою вторую пробу — уже не оставалось.

Вера позвонила снова.

— Оригинал листа сохрани, пожалуйста. И сообщение, которым отправила фотографию, тоже. Ничего не удаляй.

— Я не собиралась.

— Вещи пока никому не передавай. Посмотрим снимки получше, потом решим, что можно сказать.

— А подпись обратно забирать?

— Я не могу её забрать. Фотография у них уже есть. Если выяснится, что нужно уточнение, отдельно напишешь, что именно подтверждаешь. Но сейчас я не хочу давать тебе новое указание раньше проверки.

Софья помолчала.

— Ты со мной опять придёшь смотреть?

— Приду. Договоримся о времени.

— Хорошо. Только мне теперь неприятно. Будто я одна поспешила, а ты меня всё время останавливала.

— Не одна, — сказала Вера. — Я вчера сказала, что главное нашлось.

— Вот именно.

Софья согласилась сохранить всё у себя. Не благодарила за осторожность и не просила успокоить её.

Вера вернулась к двум фотографиям. На одной воротниковая проба лежала отдельно на светлой ткани. На другой — рядом с листом, где Софьина подпись подтверждала полный возврат. Вчера сходство обработки помогло Вере согласиться с хозяйкой. Сегодня пустые отверстия и косые сгибы заставляли задать другой вопрос: не оказались ли у двух женщин части одной прежней укладки.

Ответа ещё не было. Подписанный лист уже был отправлен.

Глава 4. Для маминой полки

Роман держал полку обеими руками, хотя она уже лежала на креплениях.

— Не пойму, криво или кажется.

Вера остановилась в дверях комнаты.

— Отпустите.

Он осторожно убрал руки. Полка осталась на месте.

— Теперь?

— Теперь видно, что фотография кривая.

Роман оглянулся. На комоде стояла рамка с откинутой ножкой; под ножку попал край салфетки. Он поправил её, посмотрел на стену и коротко засмеялся.

— Я уже второе отверстие собирался делать.

На полу лежали дрель, раскрытая коробка с крепежом и пылесос. Роман отодвинул их ногой, освобождая проход, но шнур зацепился за ножку стула. Пришлось наклониться и распутать. Вера подождала. Ей он позвонил незадолго до обеда: привезли старые работы матери, Таисии Неволиной. Четыре штуки, в бумаге, с просьбой подтвердить возврат. Сегодня, двадцать второго мая.

На прежней встрече по швейным материалам Роман почти не говорил. Вера помнила, как он записывал названия документов в телефон, а потом спросил, надо ли приносить свидетельство о смерти матери уже сейчас. Ему объяснили, что для начала ищут сведения о вещах, а не собирают у родственников все бумаги подряд. Теперь он пригласил Веру посмотреть именно работы.

— Мне бы понять, как это называется, — сказал он по телефону. — А то я напишу «лоскуты», мама бы обиделась.

Вера согласилась зайти на час.

Свёрток лежал на обеденном столе. Бурая бумага была раскрыта, один край придавлен чайной ложкой. Рядом стояла рамка, которую Роман только что поправил: женщина в светлой блузке сидела на скамейке, держа на коленях сумку. Не торжественный портрет — кто-то позвал её во время разговора, и она повернула голову, ещё не успев приготовиться к снимку.

Вера узнала Таисию не сразу. Помнила её чаще со склонённой головой, за работой, с туго заколотыми волосами. Здесь волосы были распущены до плеч.

— Это она у сестры, — сказал Роман. — Летом. Мне этот снимок нравится. На других всё либо за столом, либо у плиты. Поставлю наверху, а внизу работы.

— Здесь солнце бывает?

— После четырёх. Я штору закрою.

Он сказал это с готовностью человека, уже всё предусмотревшего. Потом посмотрел на полку.

— Или дальше от окна. Ещё могу перевесить.

— Пока не сверлите. Сначала посмотрим, что вы хотите положить.

Роман убрал ложку с бумаги.

— Она у меня в шкафу это держала. То есть не это самое, я не знаю. Папки, коробки. Я как-то хотел полку освободить под свои диски и спросил: зачем столько обрезков? Она сказала: «Это не обрезки, это я пробовала».

Он потёр большим пальцем засохшую каплю краски на ладони.

— Я думал, пробовать надо на ненужном, а потом выбрасывать. Она ничего не выбросила. Только переложила, чтобы мне место было.

Вера сняла очки из футляра. Роман не продолжал рассказа, и она не стала спрашивать, когда это было. Он уже принёс из кухни чистое полотенце, но оно оказалось узким.

— Подойдёт?

— Для двух вещей. Если хотим все рядом — нужно шире.

Он достал из нижнего ящика скатерть, раскрыл её одним движением, потом замялся.

— Тоже её. Но обычная, покупная.

— Обычная годится.

На скатерти остались ровные сгибы. Роман провёл по ним ладонью и принёс телефон.

— Я сфотографировал, как открывал. Вот ещё в бумаге. И до этого, снаружи.

На первом снимке четыре работы были уложены прямоугольником, так плотно, что свободного места почти не оставалось. Сверху лежала записка. На втором её уже отодвинули, и стал виден нижний образец.

— Ничего не вынимали до снимка?

— Бумагу отогнул и лист убрал. Потом снимал. Они так и лежали, только я этот угол поправил. Загнулся.

Он показал на край наружной обёртки, не на ткань.

Вера кивнула. Ей было важно услышать, что именно он делал, пока слова «я ничего не трогал» не закрыли собой всё остальное.

***

Первой Роман перенёс на скатерть небольшую прямоугольную работу. На общей основе из плотной небелёной ткани лежали четыре узкие полосы, соединённые и обработанные разными способами. Слева края были разложены в стороны, справа спрятаны внутрь. У одной полосы конец оставили открытым, чтобы можно было увидеть нижний слой. Основа огибала тонкий картон; на обороте её удерживали редкие косые стежки.

Ткань полос была коричневато-серой, с едва заметной мелкой клеткой. На двух кусочках клетка шла вдоль, на третьем — поперёк.

— Вот это помню, — сказал Роман. — Она всегда от простого к тому, где внутри больше всего навёрнуто. Слева направо. И край оставляла открытым.

— Здесь показаны разные швы. Чтобы можно было не только лицо посмотреть.

— Да. Я пальцем туда залезал, она сердилась. Говорила, что смотреть можно и без пальца.

Он улыбнулся фотографии матери, словно реплика была обращена и к ней.

Вера наклонилась ближе. На открытом конце виднелись два разных по ширине припуска. Один срез был ровным, другой слегка волнистым, с короткой остановкой ножниц посередине.

— Эту работу вы у неё видели?

— Такая была. Вот именно такая, полосками. Не всё подряд, что она делала, я видел. Я тогда уже отдельно жил.

— А порядок помните?

— Помню. У неё даже инструменты лежали от маленького к большому. Но это, наверное, ничего не доказывает.

Он сказал последнее с досадой — как будто заранее услышал Верину поправку.

— Доказывать сейчас не будем, — ответила она. — Запишем, что вы помните, а что надо найти на снимках.

Следующую пробу Роман положил вплотную к первой. Ткань была близкого оттенка: тот же серо-коричневый тон, издали почти незаметная клетка. Но здесь показывали не ряд швов, а обработку закруглённого угла борта. Верхнюю часть отогнули и закрепили так, чтобы были видны внутренний слой и подрезанные припуски на повороте.

Работа выглядела аккуратно и законченно. Светлая подложка была сделана как отдельный плоский чехол; по краю шла ровная машинная строчка, с оборота оставался нахлёст двух полос. Образец держался на ней за несколько небольших нитяных креплений.

Вера чуть раздвинула две работы, держась за подложки.

— А почему разъединили? — спросил Роман.

— Чтобы края видеть.

— Я думал, это от одного изделия. Ткань почти одна.

— По цвету похожа. Здесь клетка мельче. И основы сделаны по-разному.

Она повернула первую пробу оборотом вверх, потом, с его согласия, вторую.

— Тут ткань обёрнута вокруг картона и подшита вручную. Здесь сшит отдельный чехол. Видите нахлёст? Его не нужно распарывать, чтобы добраться до внутренней пластины.

Роман посмотрел, не прикасаясь.

— Мама могла и так, и так.

— Могла.

— Тогда какая разница?

Вера задержала ладонь над столом и опустила её на свободный край скатерти.

— Разница в том, что я пока не могу назвать эти две работы одним набором. И разными авторами тоже не могу. Устройство разное, вот это вижу.

— Вы же не заключение мне пишете.

— Нет.

— Я просто хочу нормально подписать. Не «неизвестная вещь неизвестного человека». У меня мамина фотография есть, я и без этой посылки мог её поставить.

Вера посмотрела на рамку. С фотографии Таисия глядела чуть мимо них; складка у рта делала выражение нетерпеливым, хотя, возможно, она всего лишь собиралась договорить.

Софья тоже хотела поставить свою работу рядом с привычными домашними вещами. Вера слишком легко помогла ей назвать вторую пробу своей. Теперь всякая оговорка могла звучать так, будто одного человека она поддержала, а другому из осторожности не даёт ничего.

— Первую мы можем описать и отдельно записать ваше воспоминание, — сказала она. — Про вторую вы что помните?

Роман провёл ладонью по затылку.

— Ничего отдельного. Мне показалось, вместе прислали — значит, вместе было.

— Это я и хотела уточнить.

Он отошёл к окну, повернул ручку, но створку не открыл.

— Ладно. Давайте остальные.

Третья работа была маленькой пробой низа рукава. Край плотной синей ткани подогнули, а тонкую подкладку оставили с запасом, чтобы она не тянула при движении. Часть подшивки не закрыли: были видны стежки и свободная складка.

— Вот это я бы назвал манжетой, — сказал Роман.

— Здесь отдельной манжеты нет. Просто низ рукава с подкладкой.

— Уже полезно, что позвал.

Это прозвучало сухо, но без прежней резкости.

Последний узел показывал укрепление застёжки. На светлом лоскуте была пришита пуговица, с изнанки под неё подложили плотный квадратик. Рядом оставили незакрытый участок, чтобы показать, как укрепление закреплено внутри. Работу смонтировали на узкой жёсткой полосе, обтянутой тёмной тканью.

Роман взял очки с комода.

— Эту пуговицу точно не помню. Но пуговицы у неё были везде.

— Тогда так и оставим.

— «Не помнит пуговицу»?

— «Собственных сведений об этой работе нет».

Он примерил фразу, глядя на маленький узел.

— Звучит, будто меня спросили, где я был ночью.

— Можно проще. «Не узнаю».

— Пока не узнаю.

— Пока.

Роман снял каждую пробу отдельно. Вера положила рядом свою небольшую линейку, не касаясь ею ткани. Для оборотов он поднимал работы за основу, придерживая свободный край. Снимки получались то темнее, то светлее: облака быстро проходили перед солнцем. Они не пытались подогнать цвет под прежние фотографии. Роман закрыл тюлевую занавеску, и свет стал ровнее.

Все четыре работы по-прежнему хорошо смотрелись рядом. Две серо-коричневые, синяя и светлая, на аккуратных основах, без свисающих длинных нитей. Их удобно было разложить на полке — удобнее, чем настоящую рабочую папку с вырезками, листами и незаконченными пробами.

Вера заметила это, но пока ничего не сказала.

***

Роман положил возле рамки вложенный лист.

Текст был тем же: получение в полном объёме ранее утраченных рабочих материалов, отсутствие недостающих образцов и иных материалов. Ни названия четырёх проб, ни имени того, кто их возвращал. Внизу — номер, на который просили отправить фотографию заполненного подтверждения.

— Вам уже такие показывали? — спросил он.

— Да. Двое получили похожие свёртки.

— Значит, нашли общий ящик.

— Может быть. Откуда взяли, ещё не ответили.

Роман подвинул к себе лист.

— Мне ведь тоже ничего не сообщили. Позвонили, спросили, я ли Неволин и буду ли дома. Я ещё удивился: так скоро. Недавно уточняли, можно ли доставить найденные мамины материалы. Я разрешил.

— А кто уточнял?

— Через знакомую по прежней встрече. Я посмотрю переписку, чтобы не пересказывать на память. Там про состав не было.

Вера не стала просить открыть всё сейчас. Для такого разговора требовалось отдельно понять, что он согласен показать. Имя заказчика из его слов не появилось.

Роман включил телефон и протянул ей.

— Я вот что написал.

На экране была фотография раскрытого свёртка и подготовленный текст для городской группы. Заголовок: «Мамина папка вернулась домой».

Дальше Роман рассказывал о Таисии Неволиной, о её работе на участке и о том, что через много лет ему передали сохранённую подборку. В последнем абзаце предлагал небольшую встречу: показать мамины образцы тем, кто её помнит, и молодым людям, которым интересно, как раньше учили шить.

Вера прочла дважды. В тексте не было ни требований к городу, ни попытки выставить себя главным пострадавшим. Он хотел дать матери место, которого при её жизни не приготовил. Это делало поправку труднее.

— Вы уже отправили?

— Нет. Хотел названия у вас спросить. Напишу под каждой.

Он выбрал снимок закруглённого угла.

— Здесь, значит, «обработка борта». А дальше — «работа Таисии Неволиной»?

Вера не ответила сразу.

Роман положил телефон на стол.

— Я понял.

— Давайте попробуем другую подпись. Что про неё известно сейчас?

— Что сегодня мне её привезли.

— И что это проба обработки закруглённого угла борта.

— Очень содержательная память о матери.

— Про память у вас выше написано. А под вещью — про вещь.

Он взял телефон, стёр несколько слов и набрал заново.

— «Из возвращённых материалов Таисии Неволиной».

— Здесь тот же вывод.

— «Из посылки, доставленной сыну Таисии Неволиной». Так?

— Это вы знаете.

Роман показал ей экран.

— Но тогда любой спросит, почему я вообще её выставляю.

Вера кивнула. Он сам дошёл до вопроса, от которого она весь последний день старалась не отступить к удобному ответу.

— Можно пока не выставлять именно эту работу. Можно подождать фотографии.

— А если их нет?

— Тогда будем знать меньше.

Роман сел. Стул под ним коротко скрипнул.

— Я не хочу ещё полгода рассказывать, что мы ждём. Мама при жизни ждала, потом я. Всё время что-нибудь уточняется. А сейчас хоть принесли.

— Принесли. Я не предлагаю отдать назад.

Он посмотрел на неё внимательно, как будто до этой минуты слышал именно это.

— И эти четыре у меня останутся?

— Сейчас они у вас. Кто вправе их получить окончательно, какие есть документы — это отдельно. Я могу помочь описать швы, но подтвердить за вас наследственные права не могу.

— Я и не прошу.

— Знаю. Просто не хочу, чтобы моя подпись под описанием потом означала больше, чем я смотрела.

Роман отодвинул бланк к краю стола.

— Вы ничего не подписывайте. Я тоже пока не буду.

Он вернулся к черновику. Заголовок оставил прежним, но закрыл окно публикации, не нажав отправку.

— Сохраню. Всё равно хочу сделать. Не обязательно завтра.

Вера почувствовала облегчение и не стала закреплять его похвалой за разумность. Для Романа это было не решение задачи, а отсрочка того, к чему он уже приготовил стену.

— У вас есть фотографии, где мама работает? Не портретные.

— Альбомы есть. Только там обычно праздники. Я снимал, когда все уже сели.

— Иногда стол попадает сбоку. Или работа лежит рядом.

Он перевёл взгляд на фотографию в рамке.

— Эту нельзя для сравнения?

— Здесь её вещей не видно.

— Я не про вещи. Чтобы знали, кто.

— Если вы захотите рассказать о ней — да. Но для определения образцов портрет не поможет.

Роман убрал рамку подальше от края. Потом разрешил Вере взять копии сегодняшних предметных снимков и показать их двум другим получательницам. Не для городской группы. Не вместе с адресом доставки и не с семейными фотографиями.

— Только пусть не решают сразу, что у меня чужое, — добавил он.

Вера услышала в этих словах Софьино вчерашнее: «Я ничего не забирала».

— Спросим, что они видят и что помнят. Не больше.

Перед уходом она помогла уложить пробы на чистую ткань в широкую коробку. На полку Роман их не поставил. Рамку поднял наверх одну, отступил к дверям, проверил, не падает ли на неё прямой свет.

— Пока так, — сказал он.

***

Дома Вера не стала открывать сразу все полученные изображения. Разрешение Евдокии на вчерашние три снимка касалось её собственного сравнения воротников. Показывать их новому человеку, пусть тоже получателю, она не могла.

Она написала Ольге, какие фотографии нужны: общий вид четырёх работ и отдельные предметы, без записок и адреса. Объяснила, что появился третий свёрток, Роман разрешил сравнение. Попросила сначала обсудить с матерью.

Софье позвонила.

— Ещё одному привезли? — переспросила та.

— Сыну Таисии Неволиной. Сегодня.

— Таисия всё на плотное сажала. У неё дома места мало было, так она ставила ребром.

— Он прислал снимки. Можно вам показать?

— Покажи. Мои ему тоже можно. Только мой лист не посылай.

— Не буду.

— И про подпись я сама скажу, если понадобится.

— Хорошо.

Вера не стала добавлять, что уже никому её не показывала. Софья просила о дальнейшем, и оправдание сейчас только вернуло бы их к вчерашнему разговору.

Ольга ответила ближе к вечеру. Евдокия согласилась на предметное сравнение с Софьей и Романом; семейные бумаги к нему не относились. Следом пришли снимки кармана, петли и подгибки, которых у Веры прежде не было. На одном у края виднелся угол записки. Вера попросила Ольгу сделать отдельную копию без неё, сохранив исходную фотографию у себя.

Общий разговор в телефоне назвала просто: «Сравнение образцов». Прежде чем отправлять изображения, написала, для чего он нужен и кому виден. Не стала добавлять туда Тамару, Асю или знакомых мастериц на случай, если пригодятся. Сейчас согласие было дано четырём участникам: ей, Ольге от имени матери, Софье и Роману.

На домашнем столе лежали детали собственной куртки. Вера сдвинула их на один край, не сворачивая, и открыла на компьютере три общих снимка.

У Евдокии — воротник, карман, петля и подгибка. У Софьи — борт, другая воротниковая проба и два небольших узла. У Романа — набор швов, закруглённый угол борта, низ рукава и укрепление застёжки.

В каждом свёртке было по четыре работы. Ни в одном не оказалось длинной полосы с начатой строчкой, свободного чертежа или детали, снятой с основы. Даже открытые участки выглядели намеренно оставленными для показа: можно было понять, что именно предлагается рассмотреть. Более крупные предметы соседствовали с меньшими, и вместе они удобно помещались в упаковке.

Вера вспомнила свои рабочие коробки. Если вынуть из них четыре самых понятных образца, тоже получится законченная подборка. Только история работы при этом не сохранится целиком.

Роман написал первым:

«У всех по четыре. Может, выбирали, что уцелело лучше?»

Софья ответила: «Или остальное осталось там. У меня бумаг нет».

Ольга переслала слова матери: «Не надо считать, что у всех было одинаково».

Вера набрала: «Да. Пока видим, что нынешние подборки удобны для показа. Почему собрали именно так, не знаем. Это мог быть отбор по сохранности или по виду. И кто собирал, пока не ответил».

Она перечитала сообщение, убрала слово «комплекты». Оно слишком легко обещало внутреннее единство.

Косые сгибы двух воротников снова привлекли взгляд. Но третья посылка не делала вчерашнее предположение точнее. Романов набор швов был устроен иначе, и натягивать одно объяснение на все двенадцать вещей Вера не стала.

Она взяла чистый лист, разделила его на четыре широкие графы. Что изображено. Кто узнаёт. На каком основании. Где сейчас находится.

Сначала хотела вписать фамилии получателей крупными заголовками, потом отвела им только последнюю графу. Место нынешнего хранения было известно лучше, чем прежняя принадлежность.

Роман прислал вопрос:

«Мне написать, что это мамины, но пока без подтверждения?»

Вера позвонила ему.

— Про набор швов напишите, что вы помните похожую работу у матери и знакомый порядок полос. Про остальные — что своих воспоминаний нет. Пока.

— Получится, я ничего не знаю.

— Вы сегодня объяснили, зачем край оставлен открытым. Это уже ваше воспоминание, не моё. Найдётся снимок — сможем сравнить.

В трубке послышался скрип выдвигаемого ящика.

— У меня коробка с фотографиями. Альбомы отдельно. Там часть даже не разобрана.

— Сегодня всё не нужно. Посмотрите сначала, где есть рабочий стол или вещи рядом с ней.

— Хорошо. А общий снимок полки потом тоже можно будет сделать?

— Конечно. Когда решите, что на неё положить и что про это сказать.

— Я всё-таки хочу вместе, — сказал Роман. — Если выясним.

— Если выясним.

Он попросил прислать перечень названий и закончил разговор. Вера заполнила четыре его строки, затем остальные. Напротив борта Софьи записала названную ею последовательность исправлений. У воротников оставила вопрос. Не перенесла своё прежнее предположение в графу основания только ради того, чтобы та не пустовала.

Названия заняли весь лист. Местонахождение тоже удалось указать для каждой вещи: у Евдокии, у Софьи, у Романа. А между ними оставалось много белого.

Уже когда Вера собиралась закрыть компьютер, пришло сообщение Романа:

«Нашёл несколько снимков дома. Мама на них не позирует, почти везде отвернулась. Раньше такие не выбирал. Завтра можно показать?»

Вера ответила, что можно.

На одном из сегодняшних снимков пустая полка попала в верхний край кадра. Вера обрезать её не стала: для предметного сравнения была отдельная фотография. Здесь же полка оставалась такой, какой она её видела, — приготовленной заранее, с местом для четырёх работ, про которые Роман ещё не знал, что написать.

Глава 5. Стол у окна

Ольга положила альбом на стол и придержала ладонью раскрытую страницу. Из-под прозрачного листа торчал угол фотографии.

— Не вытаскивайте за него, — сказала она Тамаре. — Он надорван. Мама разрешила вынуть, но я сама.

Тамара отодвинула чашку на подоконник.

— Здесь ничего не пьём, пока смотрим.

— Вы же только что пили.

— Поэтому и отодвигаю.

Вера сняла сумку с плеча. В комнате краеведения было жарко; открытая форточка пропускала шум машины, которая никак не могла развернуться во дворе. Тамара закрыла дверь, но звук остался — теперь тонкий, настойчивый, через стекло.

На столе лежали разрешённые копии прежнего реестра. Оригиналы из фондов Тамара для этой встречи не заказывала.

Ольга привезла семейный альбом после утреннего разговора с матерью. Смотреть разрешалось втроём, копировать — только выбранные снимки с работами. В общий разговор, где сравнивали посылки, весь альбом не попадал.

— Тут сначала дача, — сказала Ольга, переворачивая страницу. — Потом мы. А вот дальше.

На маленькой фотографии Евдокия сидела вполоборота к окну. Светлая занавеска почти исчезла от солнца; стол был тёмным, тесным от вещей. На краю стояла коробка с нитками, возле локтя лежали ножницы. Подоконник занимали цветы в разных горшках. Один длинный лист касался плеча хозяйки.

Вера помнила этот стол. Когда-то Евдокия угощала её за ним чаем, предварительно собрав всё рабочее на одну половину. Вера тогда ещё удивилась: на участке места не хватало, а дома женщина снова устраивалась между коробкой и цветочным листом.

— Это я снимала, — сказала Ольга. — На свой первый фотоаппарат. Он всё слишком тёмным делал.

— Когда? — спросила Тамара.

— До закрытия участка. Точный год не скажу. Фотографии в альбоме не по годам, мама перекладывала. Тут сзади только «Дома».

Она осторожно вынула карточку, показала оборот и положила на чистый лист. На следующем снимке был тот же стол с другого края. Ольга стояла уже ближе к окну, и Евдокия закрывала рукой лицо.

— Она не хотела, чтобы я щёлкала, пока у неё не прибрано.

— А ты щёлкала.

— Да. Хорошие семейные традиции.

Тамара посмотрела на неё поверх очков и не стала уточнять, какие именно.

На втором кадре вещей было видно больше. У окна лежали полосы ткани с распущенными краями, небольшой свёрнутый чертёж, открытая тетрадь. На тёмной доске или картоне были закреплены детали, но часть закрывала рука Евдокии. Вера придвинулась.

— Можно этот снять крупнее?

Ольга кивнула.

Вера положила рядом бумажку с номером страницы альбома. Сначала сняла фотографию целиком, потом сделала увеличение на телефоне. Тёмные участки не стали от этого яснее: лишь распались на мягкие пятна. Она уменьшила изображение.

— Вот здесь. У переднего края стола.

— Это воротник? — спросила Ольга.

— Нет. Похоже на манжету. Пробу разрезов.

На светлой прямоугольной основе лежала широкая полоса ткани. С одного конца в неё входил узкий разрез, края которого были обведены тонкой полоской. Рядом виднелся другой вариант: один край заходил на другой, образуя маленький выступ. Полоса не была замкнута кольцом; под ней оставалось открытое поле основы.

Вера указала на экран, не касаясь старой карточки.

— Здесь разрез обработан узко, по краям. А здесь сделан заход. Два способа на одной пробе, чтобы сравнить.

— У мамы такое было, — сказала Ольга. — Она показывала, как рукав расстёгивается.

— Ты именно эту вещь помнишь?

Ольга ещё раз посмотрела.

— Не скажу. Что показывала — помню. На чём — нет.

Вера открыла отдельно фотографии доставленной четвёрки. Воротник, прорезной карман, обтачная петля, узел подгибки. Манжеты среди них не было.

Она вернулась к старому кадру. Ей хотелось увидеть больше: весь край подложки, внутреннюю сторону, концы разрезов. Но как раз там лежала рука Евдокии, прикрывавшей лицо от настойчивой дочери. То, что Ольга когда-то сочла неудачным снимком, теперь помогало им; и всё же снимок не становился удобнее оттого, что понадобился.

— Этого в посылке нет, — сказала Вера.

Ольга не ответила сразу. Убрала пустой прозрачный лист, который всё время ложился поверх фотографии.

— Значит, не всё вернули.

— Значит, на столе была ещё одна работа, которой нет среди этих четырёх. Надо спросить маму о ней. И проверить, что мы видим.

— Вы опять оставляете им возможность сказать: это вообще чужое.

Вера почувствовала, как знакомо сжались плечи. Она не защищала неизвестного отправителя, но Ольга услышала именно это.

— Я не знаю, чьё это. На мамином столе могли лежать не только её вещи. Ты сама принесла снимок, чтобы не гадать.

Ольга потянула альбом к себе, затем остановилась.

— Я знаю. Просто мне хотелось хотя бы сейчас не начинать сначала.

Тамара подложила под фотографию вторую карточку, чистой стороной вверх, чтобы удобнее было взять.

— Мы не сначала. Раньше этого разреза не видели.

На соседнем снимке стол был уже накрыт к чаю. Работы исчезли, а сбоку, на табурете, стояла большая картонная папка с тесёмками. Нижний угол закрывала скатерть. Ни надписи, ни содержимого видно не было.

— Вот она, — тихо сказала Ольга.

Вера узнала форму папки, но удержалась от согласия.

— Мама посмотрит. По этому кадру внутрь всё равно не заглянуть.

Они выбрали три снимка. Ольга разрешила оставить их рабочие копии Вере и Тамаре, без публикации и без пересылки остальным получателям. Для вопроса Евдокии Вера сохранила увеличение манжеты вместе с полным кадром. Тамара записала оба файла в одну строку.

— Это один источник, — сказала она. — Чтобы потом не получилось: есть фотография и ещё подтверждающее увеличение.

Ольга убрала карточки обратно. Все вещи на старом столе поместились на двух небольших снимках; ни один не показывал, что было сложено в папку перед передачей в ДК.

Уже застёгивая сумку, Ольга спросила:

— Когда узнаем, кому писать, сразу про манжету спросим?

— Да, — ответила Вера. — Теперь можно спросить не только про всё сразу.

***

У Романа на столе лежало полотенце, а поверх него — фотографии из картонной коробки. Часть он уже разложил рядами.

— Я не все вывалил, — предупредил он. — Только домашние. Остальные обратно убрал.

На приготовленной вчера полке стоял портрет Таисии. Четыре присланные работы оставались в широкой коробке. Роман не стал вынимать их ради встречи: открыл на компьютере сделанные накануне предметные снимки.

Вера положила рядом тетрадь.

— Начнём с тех, где стол.

— Вот. Тут она ещё не заметила.

Таисия стояла у гладильной доски в простом платье, с подвернутым рукавом. На заднем плане, возле радиоприёмника, виднелась жёсткая основа с тканевыми полосами. Верх закрывал пакет, поставленный прямо на работу.

Роман наклонился над фотографией.

— Мне ночью показалось — наш набор.

Вера сравнила его с изображением четырёх полос на небелёной основе. На старом кадре различались две полосы и часть третьей. У одной конец был открыт, как у присланной вещи. Но расстояние было слишком большим, а край уходил в тень от пакета.

— Похоже по устройству, — сказала она. — Вот открытый конец. А сколько всего полос, не видно.

Роман увеличил фотографию на компьютере. Клетка ткани слилась в неровную сетку.

— Если ещё…

— Уже не поможет.

Он убрал увеличение. Посмотрел на бумажный снимок, потом на портрет.

— И подпись у меня получилась бы про весь набор, хотя видно две полосы.

— Сейчас — две и кусок третьей.

— Кусок третьей, — повторил он без раздражения. — Я вчера специально искал, чтобы подтвердить. Наверное, поэтому сразу увидел всё.

На следующем снимке Таисия сидела за тем же столом, но работа перед ней была свёрнута. Вера узнала старый утюг, тяжёлую пепельницу с пуговицами вместо окурков, столовую клеёнку. Предметы в доме оставались на местах годами, а швейные пробы менялись; по привычному фону легко было соединить то, что снималось в разное время.

— Кто фотографировал? — спросила она.

— Эти — отец. Он на обороте иногда писал. Тут, видите, «Тая дома». Не разгуляешься.

Роман перевернул ещё две карточки. Внизу одной стоял год, но она показывала только лицо матери и руку с ножницами. Он прочёл дату и отложил снимок.

— Этот красивее. Для нашей проверки бесполезный?

— Для сравнения работ почти ничего нет. Для вас — не мне решать.

Он положил фотографию отдельно, возле рамки.

Пока Вера записывала, какие кадры разрешено скопировать, Роман достал телефон.

— У двоюродной сестры другой альбом. Не из этой коробки. Её мать у нас снимала, когда они вместе шили. По-моему, Евдокия там тоже есть. Я вчера не подумал позвонить.

Он набрал номер, подождал и заговорил совсем другим голосом — домашним, чуть виноватым:

— Привет. Нет, всё нормально. Слушай, у тебя тётин альбом сохранился? Где наши дома… Да не на празднике. За столами. Где мама ещё сердится, что её от работы отвлекают.

Вера отошла к окну. Во дворе мужчина складывал снятые оконные рамы возле подъезда, поворачивая их так, чтобы не задеть велосипед. Роман слушал, коротко отвечал. Потом прикрыл ладонью телефон.

— У неё альбом в квартире, а она до конца месяца у дочери. В начале июня вернётся. Попросить пока дочь съездить?

— Если ей не нужно самой. Мы ведь не один угол ищем. Лучше пусть спокойно посмотрит, что там есть.

Роман вернулся к разговору.

— Не надо никого посылать. Когда приедешь, тогда… Мне разворот целиком сними, пожалуйста. И оборот, если фотография легко вынимается. Если приклеена, не отдирай. Да, даже если там непонятно что. У меня тоже было непонятно, пока не посмотрели.

Он спросил, можно ли показать относящиеся к работам кадры Вере и Тамаре, и записал ответ на листке. Родственница согласилась, но попросила сначала самой посмотреть альбом: не хотела пересылать без разбора чужие семейные фотографии.

— В первых числах июня, — сказал Роман, закончив звонок. — Точную дату не обещала.

Вера отметила запрос сегодняшним, двадцать третьим мая. Другой альбом, другой человек снимал; что именно уцелело на тех кадрах, ещё предстояло увидеть.

Роман закрыл компьютер.

— Я всё равно хочу потом показать мамины вещи. Не только говорить, что мы ничего не знаем.

— Мы сегодня уже кое-что увидели.

— Да. Только меньше, чем я надеялся.

Он собрал фотографии, оставив возле портрета тот снимок, где Таисия держала ножницы. Вера не предложила для полки иной порядок.

***

На следующий день Тамара встретила её в коридоре библиотеки.

— До трёх успеем?

— Мне до половины четвёртого можно. В пять занятие, ещё комнату подготовить.

— Тогда без чая. Я справку сократила, посмотришь.

Четвёртый четверг мая был занят в Верином календаре давно. Утром Артём прислал фотографию детали, с которой собирался прийти, и спросил, брать ли старую пробу тоже. Вера ответила, что брать. Исторический разбор не изменил ни времени, ни платы за подтверждённый блок.

В комнате краеведения Тамара открыла папку с копиями. Рядом лежал новый короткий текст — не итог для публикации, а рабочая справка, чтобы Ольга и другие участники не пересказывали каждый раз историю с начала.

Вера села. На первом листе стоял номер приложения к акту: четвёртое, шесть листов. В графе наличия по-прежнему было написано: «Отсутствует».

— По нему новых сведений нет? — спросила она.

— Нет. И я не стану писать «пока не обнаружено, поиск продолжается», если у нас нет отдельного места, где его сейчас ищут. Есть прежние обращения. По ним ждём ответы.

Вера провела пальцем вдоль края листа, не касаясь строки.

— Шесть листов могли бы многое объяснить.

— Могли бы. А могли бы снова назвать материалы общими словами. Мы содержания не знаем.

Это было неприятно слышать. За годы отсутствующее приложение стало в Верином воображении почти готовым списком: имена, папки, каждая вещь на своём месте. Его не было, но ожидание порядка в нём сохранялось.

Тамара подала справку.

В ней не было утверждения о всеобщем согласии работниц. Отдельно были названы акт, предупреждение о личных материалах и запись Григория о перевозке. Возле последней оставалась оговорка: количество мест без предметного перечня.

Вера прочла второй абзац вслух:

— «Вера Андреевна Круглова подписала акт без проверки приложения».

Тамара не подняла головы.

— Это коротко. Само объяснение приложено, кто захочет, прочтёт.

— Тут надо про предупреждение.

— Оно выше.

— Выше сказано, что такое предупреждение сохранилось. Не сказано, когда я его получила.

Тамара отложила карандаш.

— Вера, мы ведь уже это разбирали. Я ничего не убирала из документов.

— Знаю. Но из короткого текста получается, что я просто не проверила бумаги.

Тамара устало сняла очки. На переносице остались две светлые вмятины.

— Я пыталась уложить в страницу. Люди перестают читать на второй.

— Тогда пусть будет две.

— Не всякий короткий текст — попытка тебя оправдать.

— Я не сказала, что всякий.

Ответ вышел резким. Вера помолчала, глядя на сложенные у Тамары очки.

— Ты хотела, чтобы можно было пользоваться. Я понимаю. Но я ведь тоже хочу прочесть именно так. Без лишнего.

Тамара посмотрела на неё.

Вера подвинула копию кадровой бумаги. Первого сентября ей предложили работу. Пятого она получила записку о личных папках и неразобранных материалах. Подпись под актом стояла позднее.

Она знала эту последовательность. Уже произносила её перед людьми, которым не могла вернуть ни вещей, ни спокойных лет. Теперь от неё не требовалось нового признания. Требовалось не согласиться на маленькое облегчение в очередном сокращённом пересказе.

— Напиши по датам, — сказала она. — Работа предложена первого. Предупреждение получила пятого. Потом подписала.

Тамара надела очки, придвинула клавиатуру.

— «Несмотря на предупреждение»?

Вера услышала в этих словах готовую оценку, тяжёлую и удобную по-своему.

— Лучше сами события. Я не проверила после того, как меня предупредили. Этого достаточно.

Тамара печатала медленно. Потом развернула экран.

Три короткие строки. Предложение работы. Получение предупреждения. Более поздний акт, подписанный без проверки приложения.

Вера прочла и кивнула.

— Так.

— А ниже оставляем: эти документы не позволяют восстановить полный состав переданного.

— Да.

— И запись о трёх местах не считаем тремя папками.

— Конечно.

Тамара поправила эту строку, хотя она и раньше была верной. Вера заметила, что подруга делает это уже не из необходимости, а чтобы не смотреть на неё ещё несколько секунд.

За дверью кто-то спросил, где взять бумагу для принтера. Тамара ответила, не вставая. Обычный библиотечный день продолжался; в нём никто не обязан был останавливать работу из-за двух женщин и старого акта.

— Манжету в справку включать? — спросила Тамара.

— Отдельной предметной записью. Мы не знаем, попала ли она в ту перевозку.

— Даже если Евдокия узнает?

— Узнать изготовленное и вспомнить, что именно лежало в коробке, — не одно и то же.

Тамара сохранила текст под новой датой. Прежний вариант не удалила.

Вера взглянула на часы. Времени хватало зайти к Евдокии, показать выбранный кадр и уйти к занятию. На долгий разговор не хватало. Она заранее написала об этом Ольге.

Собирая бумаги, Вера ещё раз увидела отметку об отсутствующих шести листах. Она оставила лист в папке Тамары, не попросив ещё одну копию для дома.

***

Евдокия ждала у стола. Коробка с доставленными пробами стояла на тумбе, закрытая. Перед хозяйкой лежали очки и блюдце с двумя ломтиками яблока.

— Ольга говорит, у меня на фотографии лишнее нашлось.

— Не лишнее, — ответила Вера. — То, чего среди присланного нет.

— Вот и я так сказала.

Ольга вышла из кухни с планшетом. Фотографии она уже перенесла, но открывать увеличение без матери не стала. Сначала показала весь кадр.

Евдокия долго рассматривала стол.

— Цветок этот всё время на плечо лез. Я его переставляла, он опять вырастал.

— Ты его потом отдала, — сказала Ольга.

— Помню. А коробка с нитками у меня до сих пор.

Вера ждала. Для неё на снимке уже существовала манжета, а Евдокия ещё входила в собственную комнату тридцатилетней давности.

— Приблизь, — попросила она наконец.

Ольга увеличила передний край стола.

— Два разреза, — сказала Евдокия. — Чтобы не переделывать одно и то же. Один узкий, другой с заходом. На блузочный рукав.

— Вы такую пробу делали?

— Делала.

Вера достала тетрадь.

— А эту узнаёте?

Евдокия повернула планшет чуть в сторону от окна.

— Саму задачу узнаю. Такую полосу помню. Но у меня тут рука, а под рукой половины нет. Ты что хочешь, чтобы я тебе сейчас сказала?

— Только что помните.

— Тогда это и запиши.

Вера записала. Не добавила имени Евдокии в заголовок предмета.

Ольга принесла вчерашний перечень. Вверху от руки стояло: «Папка — возврат», ниже перечислялись четыре доставленные работы.

— Это я для себя написала, — объяснила она, заметив Верин взгляд. — Чтоб не спутать с денежной папкой. Можно оставить предварительно «папка возвращена», а внизу — что уточняем состав?

Вера посмотрела на коробку. Ей очень хотелось, чтобы у этого возвращения уже было короткое название. Не «четыре неизвестно чьи вещи», не очередная сверка, не новый вопрос вместо ответа. Что-то, с чем можно было бы прийти сюда в следующий раз без осторожности.

— Нет, — сказала она. — Я так не запишу. Получены четыре предмета; принадлежность проверяется.

— Даже предварительно?

— Особенно теперь. Есть снимок ещё одной пробы, которой здесь нет. Мы не знаем, входила ли она в папку, но и полноту этих четырёх ничем не подтвердили.

Евдокия взяла карандаш у дочери.

— Папку мне вообще не привезли.

Она зачеркнула верхнюю строчку. Написала Верины слова медленно, крупно, оставляя между ними слишком большие промежутки. Последнее слово пришлось перенести.

Ольга не поправляла.

— А эту манжету можно спросить у них по фотографии? — сказала Евдокия.

— Если разрешите передать только её изображение. Когда станет известно, с кем говорим.

— Разрешу. Сначала пусть назовутся.

Вера дописала под описанием два варианта разреза и источник — семейный снимок Ольги. В строке о нынешнем местонахождении оставила: «Неизвестно».

— Может, у них осталось ещё, — сказала она.

Евдокия подняла глаза.

— Может.

Вера услышала собственную надежду и не стала подкреплять её обещанием быстро всё выяснить.

В половине пятого она закрыла тетрадь.

— Мне пора.

— Ты яблоко возьми, — сказала Евдокия. — Я два часа собираюсь его съесть.

Вера взяла один ломтик. Ольга проводила её до двери, не начав нового разговора о том, как бы всё закончить поскорее.

В рабочей комнате «Мерки» ещё надо было расставить стулья и освободить край стола. К пяти пришёл Артём с двумя пробами, за ним Инна и Людмила. Новая участница принесла юбку, завёрнутую в полотенце: так пояс меньше мялся в сумке.

— Я старую не распарывал, — сказал Артём. — Вы просили для сравнения.

— Правильно. Новую рядом положи.

Угол на новой пробе получился аккуратнее, но тянул соседний край. Артём сразу попытался разгладить его ладонью.

— Не прижимай, — остановила Вера. — Дай ему лечь как есть.

Он убрал руку. Инна придвинула лампу. Вера посмотрела на обе детали и спросила, что он изменил первым.

До восьми они занимались своим. В конце Людмила напомнила остальным убрать булавки с пола, пока ещё горел верхний свет. Вера не открывала историческую папку и не рассказывала группе о найденной на фотографии манжете.

Дома, уже после еды, она достала макет собственной куртки. У левого бока поправка была проверена, а временная петля застёжки всё ещё лежала неудобно: чтобы расстегнуть её, приходилось придерживать край второй рукой. Вера отпорола только конец крепления, повернула петлю немного наружу и приметала снова. Работа заняла меньше двадцати минут. До настоящей застёжки было далеко, но теперь пальцы находили её без поисков.

На другом краю стола лежала тетрадь. Прежде чем убрать её, Вера перечитала новую запись. Манжета с двумя вариантами разреза. Семейный снимок, хранится у Ольги. Принадлежность требует сравнения. Местонахождение неизвестно.

Вопрос об отправителе никуда не исчез. Но теперь, когда тот ответит, у Веры была конкретная вещь, которую следовало у него спросить.

Глава 6. Не тот край

Алевтина прижала пальцем узкую полоску ткани.

— Этот край не трогайте.

Вера уже подвела к нему ножницы.

— Здесь лишнее.

— Вам лишнее. А я за него держать буду.

Ножницы остались раскрытыми. На лоджии было тесно вдвоём: Вера сидела у машины, Алевтина устроилась на кухонном стуле, который пришлось внести боком. За её плечом сушилась наволочка. Вера утром сняла остальное бельё, а до наволочки не дотянулась и потом забыла.

На столике лежали два шерстяных лоскута из домашних остатков, светлая хлопчатобумажная полоска и лист с сегодняшней датой — 25 мая. Никаких старых вещей Вера сюда не приносила. Ей требовалось проверить один приём: как изменить наклон воротника узкой вставкой, не выкраивая пробу заново.

Алевтина согласилась зайти на полчаса перед своей примеркой.

— Только я не пойму, зачем вы сначала всё закрепили, — сказала она. — Теперь же выпарывать.

— Так удобнее проверить положение.

— Вам удобнее. Мне — нет.

Вера отложила ножницы.

Первую маленькую пробу она сделала ещё до прихода гостьи. Соединила детали, оставила участок открытым, вшила полоску, меняя угол, и закрепила сгиб двумя короткими рядами стежков. Получилось не слишком красиво, зато было видно, что за чем делалось. Отдельный открытый край она намеренно не подшивала.

Именно такая незавершённость помогла ей согласиться с Софьей. Не обтрёпанность, не испорченное место — оставленный для показа участок работы. Софья сказала, что не любила зашивать всё наглухо, и Вера услышала в этом подтверждение.

Теперь Алевтина взяла второй лоскут.

— Я сначала поверну. Вот так. А полосу потом подведу.

— Она у вас уйдёт.

— Если отпущу — уйдёт.

Она держала ткань большим пальцем, осторожно, не натягивая, и другой рукой подвела светлую полоску снизу. Попросила иглу с ниткой. Вера подала свою.

— У вас узел такой, что можно пуговицу заменить, — заметила Алевтина.

— Это для пробы.

— Для пробы тем более.

Она обрезала узел и сделала меньший. Вера хотела сказать, что на чужой игле это необязательно, но промолчала. Они обе знали, как легко разговор о работе становился разговором о том, кто здесь хозяйка.

Алевтина прихватила полосу в двух местах, вытащила булавку и расправила сгиб. С лица её проба выглядела почти так же, как Верина. С оборота стежки проходили иначе.

— Край оставим открытым? — спросила она.

— Оставим.

— Тогда всё. Ничего особенного.

Вера положила обе пробы рядом. На её лоскуте сохранились следы первой намётки; у Алевтины их не было. Зато вставка, поворот и открытый участок получились похожими.

— А если бы это потом переснимали только с лица? — спросила Вера.

— Вы бы моих первых стежков не увидели. И ваших тоже.

— Я не про порядок. Можно было бы сказать, что делал один человек?

Алевтина подняла на неё глаза.

— По этому? Нет. Вы мне задачу дали, я сделала. Другой человек ещё третьим способом придёт сюда же.

Вера взяла первую пробу. Она искала не способ повторить старый воротник; старый воротник был другой формы, из другой ткани и с другой историей. Но признак, которому она так охотно поверила, только что возник у неё под руками. Затем — у Алевтины, причём в ином порядке.

— Я по такой обработке поддержала чужое узнавание, — сказала Вера. — Сказала, что, думаю, верно узнала.

— Вы видели, как она шила?

— Нет.

Алевтина не стала спрашивать имя.

— Может, и верно. Только мы сейчас этого не проверили.

— Знаю.

— Так вы для этого меня позвали?

— Да. И мне стоило сразу сказать.

Алевтина положила иглу на край подушечки.

— Я бы всё равно зашла. Но вы бы меньше со мной спорили.

— Это вряд ли.

Алевтина усмехнулась и посмотрела на часы. Вера встала, чтобы выпустить её с лоджии. Наволочка задела Алевтину по затылку; та пригнула голову и, оказавшись в комнате, сняла с рукава белую нитку.

— Фотографию-то покажете?

Вера покачала головой.

— Разрешение на сравнение у нас для определённого круга. Я вас не включала.

— Тогда и не надо. Мне хватило вашего лоскута.

У двери Алевтина ещё раз уточнила, что обе новые пробы остаются у Веры. Больше на сегодня они ни о чём не договаривались.

Вера вернулась на лоджию. Под каждой пробой надписала дату и имя той, кто её сделала. Нити оставила длинными, не подрезала ради аккуратности. Потом позвонила Евдокии, подтвердила время встречи и отдельно написала Софье: придёт с новым демонстрационным образцом. Старую работу приносить не нужно.

Ответ был короткий: «Я уже собралась».

***

Софья сидела у Евдокии в гостях в уличных туфлях. Сумку держала на коленях, хотя рядом освободили стул. На столе стояли три чашки; четвёртая ждала Веру на кухне.

— Я воротник не брала, — сказала Софья вместо приветствия. — Как ты просила.

— Спасибо. Нам сейчас снимков хватит.

— Посмотрим, хватит ли.

Евдокия подвинула коробочку с очками, освобождая Вере место. Её доставленные пробы оставались в закрытой коробке у серванта. Ольга принесла чашку, но Вера попросила пока поставить её на подоконник.

— Я сначала скажу, зачем пришла.

— Садись и говори, — ответила Евдокия. — Стоя ты у нас как на собрании.

Вера села. Из плоского конверта вынула две новые пробы. Софья посмотрела на светлые вставки, потом на Веру.

— Это что?

— Сегодня сделали. Одну я, другую Алевтина Дроздова. На моих остатках.

— Зачем две?

— Мы по-разному начали. А с лица получилось почти одинаково.

Вера развернула свой телефон. Открыла только предметный снимок воротника, который лежал у Софьи: фотография входила в разрешённое сравнение. Серо-зелёная шерсть на экране казалась темнее, чем в комнате у хозяйки. Из-за этого сходство со светлой новой пробой было неочевидно, и Вера обрадовалась: ей не хотелось получить ещё одно узнавание вместо объяснения.

Она показала участок вставки, затем открытый край.

— Когда мы смотрели у тебя, я сказала: похоже на твою работу, думаю, ты верно узнала. Я опиралась вот на это. На вставку и на то, что обработку оставили открытой для показа.

Софья молчала.

— Этого недостаточно, — продолжила Вера. — Такой результат можно получить разными путями. И оставлять край открытым могла не ты одна. Я не видела, как ты делала этот воротник. Поэтому своё подтверждение снимаю.

— Подтверждение снимаешь, — повторила Софья. — А я что снимаю?

Вера положила телефон на стол.

— За тебя я сейчас ничего не решаю.

— Сейчас — нет. А тогда ты сидела рядом и сказала, что главное нашлось.

— Сказала.

— Я ведь сначала «кажется» сказала. Ты помнишь?

— Помню.

Ольга отошла к окну. Евдокия смотрела на новые пробы, не брала их в руки.

— Значит, ты мне дала обрадоваться, — сказала Софья, — а потом дома всё проверила.

Вера почувствовала, как легко было бы возразить: не она давала разрешение радоваться. Софья сама узнала борт, сама взяла воротник, сама отправила лист. Всё это было правдой, и каждое такое уточнение сейчас отодвигало бы Веру от собственной фразы.

— Я согласилась слишком быстро, — сказала она. — А проверить должна была до того, как поддержала тебя.

— И расписку ты не подписывала.

— Нет.

— Вот. Теперь у тебя будет аккуратно: ошиблась, поправила. А у меня подпись.

Софья поставила сумку на пол. Ручки упали на бок, одна задела ножку стола.

Вера не ответила сразу. Слышно было, как на кухне заработал холодильник. Чашка на подоконнике стояла возле стаканчиков с рассадой; от чая поднялась последняя тонкая струйка пара.

— Я не могу убрать то, что ты уже отправила, — сказала Вера. — И не могу сделать вид, что прежде только останавливала тебя. Мои слова там были. Если будешь объяснять, как решила подписать, о них тоже можно сказать.

— А если я не собираюсь сейчас объяснять?

— Не буду тебя заставлять.

Софья отвернулась к Евдокии.

— У тебя, значит, этот воротник тоже спрашивать будут? Или уже решили?

— У меня пока только смотрят, — ответила Евдокия.

— Очень удобно.

— Соня, я не про тебя.

Евдокия подтянула к себе телефон, но сначала спросила Веру, можно ли. Увеличила фотографию, промахнулась пальцами, вернула прежний размер.

— Я свою пробу ещё толком не подтвердила. А вы мне сейчас и вторую сюда принесёте словами. Не надо.

— Я не говорю, что эта ваша, — сказала Вера.

— Вот и дальше не говори, пока не поймём.

Софья наклонилась к экрану.

— А полоса всё-таки так вставлена, как у нас было.

— Да, — ответила Вера. — Учебная задача та же. Я и сама такой способ помню.

— Значит, я не с потолка взяла.

— Нет. Не с потолка.

Софья выпрямилась. Вера увидела, как та провела ладонью по колену, будто стряхивала крошки, которых не было.

— Борт я помню, — сказала Софья. — Там не просто способ. Я край меняла, у меня ткань не сходилась. И нитка на повороте другая.

— Про борт мы эту историю записали отдельно.

— А воротник теперь отдельно забыть?

— Не забыть. Проверить по другому основанию.

— Ты говоришь так, будто у меня оснований целый ящик. Было бы что проверять, я бы давно сама проверила.

Вера придвинула чашку. Чай уже можно было пить, но она только согрела пальцы о стенки.

— Я понимаю, почему ты сердишься.

— Не надо понимать всё сразу. Я и сама ещё не решила, на что больше.

Евдокия взяла одну из новых проб, ту, что сделала Алевтина, и подняла открытый край.

— Здесь у неё ровнее.

— У неё полоса мягче, — быстро сказала Вера.

Евдокия посмотрела на неё поверх очков.

Вера опустила глаза на свою работу.

— И сделала она ровнее, — добавила она.

Софья не улыбнулась. Но от телефона отодвинулась и попросила Ольгу налить немного горячей воды: её чай тоже остыл.

***

После чая Вера достала перечень. Раньше она оставила возле воротников вопрос, не перенеся прежнее предположение в графу основания. Теперь пустое место показалось ей неправдивым: по такому листу выходило, будто сомнение было у неё с самого начала.

— Я хочу дописать, что именно сказала двадцатого, — объяснила она Софье. — И сегодняшнее исправление. Не твоё. Моё.

— Читай.

Вера положила лист так, чтобы Софья могла видеть его целиком. В строке о воротнике записала прежнюю фразу: «Думаю, ты верно узнала». Ниже — чем руководствовалась: сходством обработки и открытым участком для показа.

Перо остановилось перед датой.

— Сегодня, двадцать пятого мая: это основание снимаю. Общий приём не подтверждает принадлежности вещи Софье Зимцовой. Принадлежность не установлена.

— А почему не пишешь, что сначала подтвердила? — спросила Софья. — У тебя тут «фраза».

Вера перечитала.

— Хорошо. Так и напишу: поддержала узнавание.

— Подтвердила, — сказала Софья.

— Я сказала «думаю». Но ты вправе была услышать в этом подтверждение. Запишу оба.

Она дописала обстоятельства коротко, без объяснения, как её увлекла радость хозяйки. Софья читала медленно. Потом ткнула ногтем в строку:

— Вот это оставь. Не надо потом сокращать.

— Оставлю.

Лист с фотографией подписанного подтверждения Вера не доставала и не просила переслать заново. Он оставался у Софьи — вместе с её решением, что делать дальше.

— В наш разговор это можно отправить? — спросила Вера, показав только свою поправку.

Софья подумала.

— Про твою ошибку — можно. Про мою подпись Роману ничего не посылай.

— Не буду.

— И тому номеру пока не пиши. Я сама. Если решу.

— Хорошо.

— Не «Софья просит выяснить», не «мы с Софьей считаем». Ты от себя спрашивай.

Вера кивнула. Софья ещё раз посмотрела на лист, словно проверяла, не появится ли возражение мелким почерком.

Затем они вернулись к двум разрешённым снимкам. На одном был воротник у Евдокии, с треугольной выемкой в картоне, на другом — Софьин, на прямоугольной подложке. Вера произнесла «полученный Софьей» и сама услышала, насколько длиннее стало привычное название.

— Длинно, — заметила Софья.

— Зато пока точно.

— Пока.

Косые сгибы виднелись на обоих изображениях. Но фотографии были сделаны под разными углами. На одном длинный край подложки уходил в глубину; на другом палец хозяйки прикрывал часть оборота.

Вера приложила к экрану не линейку, а край чистого листа, показала направление.

— По снимку можно сравнивать расположение. Размер так не получим. Нужно отдельно снять подложку прямо сверху, рядом положить линейку. Потом оборот, не снимая ткань с креплений. Где получится увидеть — увидим.

— Отверстия я ещё сниму, — сказала Софья. — Только отгибать картон не стану. Он у угла расслаивается.

— Не надо отгибать.

Евдокия указала на свободный участок шерсти:

— И сгиб не расправлять утюгом?

— Нет. Ничего пока не выправлять. Нам важно, как оно лежало, когда пришло.

— Да я и не собиралась. Это Ольге скажи, она любит ровно.

— Я ваши пробы не гладила, — отозвалась Ольга.

— Я и говорю: пока не собиралась.

Вера записала, каких видов не хватает. Старые семейные кадры тоже не давали нужного ответа: ткань заслоняли руки и другие материалы. Альбом, который запросил Роман, обещали посмотреть лишь после возвращения его двоюродной сестры. Ускорять её отъезд от дочери ради чужого воротника никто не мог.

Телефон Ольги коротко зазвонил. Она взглянула на экран, показала матери и отошла в прихожую. Вернулась через несколько минут с бумажкой, где был записан номер обращения.

— Из доставки. По нашему вопросу ответ пришёл. Женщина, которая помогала найти получателей, согласна поговорить.

Софья сразу спросила:

— Какая женщина?

— Пока не назвали. Предлагают передать ей мой номер с разрешения, чтобы она сама связалась.

— Они её данные не дадут? — спросила Вера.

— Сказали, что клиентские сведения не сообщают. Это предложение связи, переданное в ответ на обращение.

Евдокия протянула руку к бумажке, прочла номер, как будто он мог измениться со времени первого звонка.

— Мой пусть не передают. Ольгин — если она согласна.

— Я согласна, — сказала Ольга. — Но сначала поговорю сама. Потом спрошу, можно ли Вере позвонить.

— Да, — ответила Вера. — И никаких фотографий ей пока не отправляйте.

— Это я уже поняла.

В голосе Ольги прозвучала усталость. Вера не стала повторять, почему важны разрешения. Ольга сохранила номер обращения в телефоне и пошла отвечать службе.

Софья тем временем надела лёгкую куртку. Вера потянулась было помочь с завернувшимся воротом, но Софья сама расправила его, не оборачиваясь.

— Я тебя провожу? — спросила Вера.

— Не надо. Мне ещё в магазин.

У порога Софья задержалась.

— Снимки я сделаю. Сравнивать можно дальше.

— Спасибо.

— Только ты не думай, что мы этим поговорили и всё.

— Не думаю.

Софья ушла. Евдокия собрала новые демонстрационные пробы и передала Вере.

— Эти забери. А то ещё перепутаем, кому вернули.

Вера уложила их в конверт. На её листе у воротника осталось прежнее уверенное высказывание, а под ним — сегодняшнее исправление. Другого имени там не появилось.

***

Олег ждал у поворота к реке, держа в руке ветку с двумя листьями. Когда Вера подошла, он бросил её на траву.

— Откуда это?

— Прицепилась к сумке. Думал, из кармана торчит ремень.

— Ремень с листьями?

— Я сначала рукой попробовал.

Они пошли вдоль воды. После тёплого дня от берега тянуло прохладой. Вера застегнула куртку, которую носила на прогулки; новая всё ещё существовала в макете и бумажных деталях.

Она рассказала про две утренние пробы. Без фамилий, без фотографий, только как Алевтина сначала повернула ткань, а полоску подвела потом.

— То есть твой порядок оказался не единственным, — сказал Олег.

— Я и не считала его единственным.

Он повернулся к ней.

— Вернее, знала, что не единственный, — поправилась Вера. — Но в тот день решила, что узнаю руку. А сегодня сказала об этом при всех, кто был.

— И как?

— Плохо. Она говорит, что я помогла обрадоваться, а теперь оставила одну отвечать за подпись. Но ведь я не могу дальше утверждать…

Олег остановился у скамейки. На ней сидел мальчик с самокатом; свободным оставался только мокрый край. Они пошли дальше.

— Вера, ты хочешь ещё раз проверить, правильно ли поправила? Или рассказать, как было неприятно?

Она некоторое время смотрела на дорожку. Между плитами пробилась трава, и приходилось выбирать, куда поставить ногу, чтобы не зацепиться за поднявшийся край.

— Второе.

— Тогда рассказывай второе. В обработке воротников я всё равно не разберусь.

— Мне хотелось, чтобы она сказала: хорошо, что ты пришла и объяснила.

— А она не сказала.

— Не сказала. Я потом ещё лист достала. Записала всё как надо. И сижу, жду. Будто за аккуратную запись мне теперь полагается хороший ответ.

Олег ничего не произнёс. Вера услышала за спиной колёсики самоката и шагнула ближе к нему, пропуская мальчика.

— У меня от этого листа даже руки свободнее стали, — сказала она. — А у неё нет.

— Тебе стыдно, что полегчало?

Вера подумала.

— Немного. И сержусь, что на меня всё ещё сердятся. Вот это больше стыдно.

Олег посмотрел на реку. По воде шла длинная рябая полоса от ветра; у самого берега плавала пустая пластиковая бутылка. Она то упиралась в камыш, то отходила обратно.

— Можно я ничего умного не скажу? — спросил он.

— Можно.

— А то я уже подбирал.

Вера взяла его под руку. Рукав у него был прохладный.

Некоторое время они шли молча. Потом Олег рассказал, что на репетиции будут менять конец одной песни: последние слова слишком далеко от начала фразы, и половина хора до них не доживает на одном дыхании.

— Ты тоже?

— Я выживаю. Но звук такой, что лучше бы нет.

— А раньше почему не меняли?

— Раньше мы дружно делали вид, что получается.

Он сказал это без взгляда в её сторону, и Вера была ему благодарна. Из рассказа о хоре не следовало извлекать урок.

У следующей скамейки они постояли на солнце. Олег спросил про её куртку.

— Вчера петлю повернула, — ответила Вера. — Пальцы теперь находят. Но одной рукой всё ещё плохо расстёгивается.

— А зачем одной?

— В другой сумка может быть.

— Поставить нельзя?

— Можно. Только я не хочу каждый раз ставить сумку на землю, чтобы раздеться.

— Тогда не буду мешать развитию застёжки.

Вера улыбнулась.

— Там ещё угол надо изменить.

— У застёжки?

— У петли.

— Хорошо, что уточнила. Я бы всю дорогу думал неправильно.

Он посмотрел на часы. До репетиции оставалось время дойти до «Речника» без спешки, но уже без остановок.

— Я здесь наверх сверну, — сказал он. — Ты со мной?

Вера посмотрела вдоль реки. Дорожка дальше была пустая; за деревьями виднелись светлые перила маленького мостка.

— Я ещё немного пройду.

— Тогда до вечера. Напишу, когда закончим.

Он легко сжал её ладонь и пошёл к лестнице. Вера смотрела, как он поднялся, поправил ремень сумки и на верхней площадке обернулся. Она махнула ему.

В сумке лежал перечень с исправленной строкой. Теперь предстояло выяснять принадлежность воротника без того основания, которое она сама помогла принять. Софья могла ещё долго не захотеть говорить с ней иначе. Ни вечерняя прогулка, ни ровно записанное признание этого не меняли.

Вера достала телефон — проверить время — и увидела значок рабочего разговора. Открывать не стала. Убрала телефон, дошла до мостка и остановилась у перил.

Вода под ними была темнее, чем на середине реки. Сухой прошлогодний стебель зацепился за нижнюю перекладину; течение пригибало его и отпускало. Вера постояла, пока перестала различать шаги Олега на верхней дорожке, потом пошла дальше. До дома можно было вернуться другой улицей.

Глава 7. Комната Рогова

Елизавета Дронова пришла с маленькой рассадной коробкой, из которой торчали два бумажных стаканчика.

— Только на скамейку не ставьте, — сказала она, заметив, что Вера хочет освободить ей руки. — Там дно мокрое. Я подержу.

Они встретились у бокового входа в «Речник». Ольга позвонила утром: женщина, которой через службу доставки передали её номер, сама вышла на связь. Разговор состоялся, имя теперь было известно. Дронова согласилась поговорить и с Верой.

— Елизавета Семёновна? — уточнила Вера.

— Просто Елизавета. Мы с вами виделись, только давно. Я здесь ещё до вас работала, потом несколько раз на замену выходила. Вы могли не запомнить.

Лицо показалось Вере знакомым, но она не стала искать в нём прежнюю знакомую. Дронова поставила коробку у ног и вытерла ладонь о сложенный носовой платок.

— Мне Ольга Григорьевна сказала, что вы теперь всё это сравниваете. И что там бумага нехорошая.

— Бумага слишком много подтверждает. Вы её видели?

— Нет. Я вообще ничего внутри не видела. Меня попросили найти людей.

— Кто попросил?

— Яна Рогова. Фёдорова дочь. Яна Фёдоровна.

Вера достала тетрадь. Фамилия была ей знакома по вывеске небольшой мастерской, которую она когда-то видела из автобуса. Самого Рогова она не могла уверенно вспомнить.

— Она и отправляла?

— Она сказала, что отправит. А как заказывала, не знаю. У неё спросить надо. Я только с адресами помогла.

Дронова говорила без обиды, но с той осторожностью, с какой человек перечисляет сделанное, опасаясь, что к нему незаметно добавят остальное.

— После майского показа она подошла к знакомой из ДК, — продолжила она. — Искала, с кем поговорить о старых учебных работах. Та дала мой номер, спросив меня. Я Фёдора знала по хозяйственным делам. Коробки ему когда-то возили. Но это отдельный разговор, я сейчас в даты не полезу.

Вера подняла глаза.

— А нынешние адреса у вас были?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.